

ЮРІЙ СЛЕЗКИНЪ

РАЗНЫМИ ГЛАЗАМИ

Романъ

(Изъ жизни современной Россіи)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
"ОЧАРОВАННЫЙ СТРАННИКЪ"
ПАРИЖЪ
1927

ИЗДАТЕЛЬСТВО
“ОЧАРОВАННЫЙ СТРАННИКЪ”

“ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА”

Серія I

**“БЕЛЛЕТРИСТЫ
СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ”**

Эта серія, отмечая все тенденціозное, всю “совѣтскую литературу” въ спецефическомъ смыслѣ этого слова, даетъ подлинно литературныя и художественныя произведенія писателей, живущихъ въ Совѣтской Россіи.

Вышли изъ печати:

№ 1. М. Зощенко. Веселая жизнь.	2. 50
№ 2. Бабель. Король.	2. 50
№ 3—4. П. Романовъ. Любовь.	3. 50
№ 5. А. Соболевъ. Княжна.	2. 50
№ 6. Л. Сейфуллина. Налетъ.	2. 50
№ 7—8. М. Зощенко. О чемъ пѣлъ соловей.	3. 50
№ 9. А. Невѣровъ. Въ садахъ.	2. 50
№ 10—11. А. Яковлевъ. Женихъ полуночный.	3. 50
№ 12. П. Романовъ. Весна.	2. 50
№ 13—15. А. Толстой. Голубые города.	5. —
№ 16. П. Романовъ. Первая любовь.	3. —
№ 17—19. К. Фединъ. Наровчатская хроника	4. 50
№ 20—21. Л. Леоновъ. Гибель Егорушки.	3. 50

ЮРІЙ СЛЕЗКИНЪ

РАЗНЫМИ ГЛАЗАМИ

Р о м а н ъ

(Изъ жизни современной Россіи)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
"ОЧАРОВАННЫЙ СТРАННИКЪ"
ПАРИЖЪ
1927

РАЗНЫМИ ГЛАЗАМИ

Къ читателю.

Что подвинуло меня писать этотъ романъ, избравъ такую невыгодную для автора форму — форму записокъ и писемъ нѣсколькихъ лицъ?

Прежде всего наличіе у меня такихъ записокъ и писемъ, гдѣ случайно говорится объ одномъ и томъ же человѣкѣ. Вчитываясь въ нихъ, я впервые особенно остро почувствовалъ относительность сужденій о чемъ бы то ни было, безцѣльность попытки дать непререкаемую характеристику. Сколько глазъ — столько и представлений. Не только внутренняя сущность человѣка, но и внѣшній его обликъ мѣняется въ зависимости отъ того, кто на него смотритъ.

Даже самихъ себя мы познаемъ въ разную пору — по разному.

Когда эта мысль приняла осязаемую форму, я нашелъ еще одинъ поводъ, приведшій меня къ созданію этой вещи. Почти вся міровая литература въ лучшихъ своихъ образцахъ даетъ намъ галерею типовъ и характеровъ — чѣмъ сильнѣе талантъ писателя, тѣмъ убѣдительнѣй его собственное отношеніе къ героямъ. Мы вѣримъ писателю на слово и не пытаемся взглянуть на его созданія собственными глазами.

Я не оспариваю правъ художника, особенно, если онъ мастеръ. Но мнѣ хотѣлось бы однажды вступить за права читателя. Я хотѣлъ бы, чтобы онъ видѣлъ моихъ героевъ своими глазами.

Испытанныя формы романа связывали меня въ моемъ намѣреніи. Онѣ заставили бы меня, въ мѣру моихъ силъ, дать точный внутренний и внѣш-

ній обликъ моихъ героевъ, объяснить ихъ поступки, то-есть навязать мое индивидуальное о нихъ представленіе (хотя бы очень яркое) — читателю. Цѣль не была бы достигнута — я пошелъ бы ей наперекоръ.

Подлинная жизнь подсказала мнѣ выходъ — передо мной лежали скромныя письма живыхъ людей. Что, если взявъ эти письма въ основу, я покажу тѣхъ или иныхъ героевъ, отдавъ ихъ на судъ другъ другу. Тѣмъ самымъ не упуская изъ рукъ своихъ развитія интриги, стройки фабулы, что является неотъемлемымъ правомъ романиста, я въ многообразіи характеристикъ моихъ героевъ, данныхъ самими дѣйствующими лицами, предоставлю полную свободу творчества читателю, — онъ самъ надѣлитъ ихъ плотью и кровью и тѣми душевными качествами, какія на его взглядъ имъ болѣе всего присущи.

Принявъ такое рѣшеніе, я лишь систематизировалъ живой матерьялъ, который у меня былъ, и сейчасъ представляю его на судъ читателя, какъ любопытный фрагментъ мимо текущей, подлинной жизни.

Юрій Слезкинъ.

1925 г., іюнь, Коктебель.

Сознание — вспышка молнии въ ночи,
Черта аэролита въ атмосферѣ,
Пролетъ сквозь пламя вздутаго костра
Случайной птицы, вырванной изъ бури
И вновь нырнувшей въ снѣжную мять.

М. В о л о ш и н ъ. "Космосъ".

I

**Марія Васильевна Угрюмова — Николаю
Васильевичу Тесьминову**

(Записка, пересланная через прислугу)

Москва. 27 апрѣля.

Бѣдный, бѣдный мой другъ, пишу Вамъ на-спѣхъ, въ суетѣ, среди раскрытыхъ, уложенныхъ чемодановъ и только нѣсколько словъ Вамъ въ догонку. Хочется еще разъ ободрить Васъ, сказать — берегите себя, свою душу, свою непутевую голову. Все еще, какъ шальная, послѣ нашего свиданія, все еще пытаюсь что-то досказать, вдолбить Вамъ. Понимаю, что тяжело, но здѣсь Вы изъ этой путаницы не выберетесь — уѣзжайте, уѣзжайте скорѣе. Издали всегда виднѣе. Я буду около Васъ и даю Вамъ слово, охраню Вашъ покой. Вѣдь Вамъ же обѣщанъ мѣсяцъ въ домѣ отдыха “Кириле”. Тамъ чудесно — Вы станете другимъ чловѣкомъ, и она, — Варя, — многое пойметъ за тотъ мѣсяцъ. Мы, женщины — глупыя, насъ учить только время, а не слова. У Васъ съ Варей долгіе годы общихъ страданій — это не забывается. Она упряма, но не зла, и любить Васъ

по-своему. Оба вы виноваты. Уѣзжайте. А о Танѣ не бойтесь — она дѣвочка, у нея все впереди, горе въ молодости остро, но скоропреходяще. Будьте тверды — уѣзжайте. Я буду Васъ ждать — “Ай-Джинъ” рядомъ съ “Кириле”.

Марія.

II

Экономистъ, ученый статистикъ Антонъ Герасимовичъ Печеныхъ—женѣ своей въ Харьковѣ

Домъ отдыха “Кириле”, 10 мая.

Дорогуленька моя, дружечешечекъ мой, вотъ я и на санаторномъ положеніи. Приѣхалъ въ “Кириле” ровно въ 8 часовъ 27 минутъ вечера (посмотрѣлъ на часы, чтобы провѣрить скорость пробѣга автомобиля). Ёхали мы отъ Севастополя ровно пять часовъ восемнадцать минутъ съ заѣздомъ въ Алупку, гдѣ скинули двухъ пассажировъ — одинъ въ очкахъ, весь въ нарывахъ, страшно противно сморкался за моей спиною, что мѣшало мнѣ спокойно любоваться красотами природы изъ боязни заразиться. Я хотя первый занялъ заднее мѣсто въ К р ы м к у р с о (такъ здѣсь называютъ автомобили), однако уступилъ дамѣ (ты знаешь мою деликатность), а самъ пересѣлъ къ шоферу. Оказался человѣкъ не пьющій, къ моему удивленію, и очень свѣдущій. Я съ его словъ ознакомился съ мѣстными обычаями, впрочемъ, мало интересными. Только одно досадно, изъ какой-то трубочки капало масло, я по близорукости сразу не замѣтилъ, потомъ вижу — на брюкахъ, чуть ниже колѣна — два жирныхъ пятна. Не знаешь ли, чѣмъ вывести — пришли, не забудь, рецептъ.

Погода стояла прекрасная,—двадцать три градуса по Реомюру (сказалъ шоферъ), но только

пыль, этакая мелкая, вродѣ муки, портила впечатлѣніе. Все же не упустилъ ничего интереснаго, точно свѣряясь по путеводителю (купилъ въ Севастополѣ, называется “Крымъ”, очень любопытно составленный).

Отъ Севастополя до “Кириле” по шоссе 71 верста. Стоитъ 10 рублей съ пассажира. На пароходѣ дешевле, но при слабости моего здоровья побоялся качки, а еще нужно взять въ расчетъ время ожиданія отъ прибытія поѣзда до отхода парохода, — оно бы и вышло одно на одно, считая съ обѣдомъ и лишними носильщиками. А къ тому же виды! Мнѣ еще въ вагонѣ рассказывали — прямо не повѣришь!

Только сначала мнѣ не понравилось — городъ по Гоголевской улицѣ судя — неудобный, а по выходѣ на шоссе — каменистая однообразность (такъ и въ путеводителѣ сказано). На третьей верстѣ влѣво отъ шоссе близъ города Сапунъ виднѣется англійское кладбище — на немъ много зелени. За шестой верстой справа недалеко отъ шоссе видно французское кладбище — на немъ много зелени. Здѣсь погребено около 90.000 человѣкъ (по путеводителю). Но съ 21-й версты я уже понялъ восторгъ, даже сзади — въ очкахъ пересталъ сморкаться. Совершенно исключительное зрѣлище! — представь себѣ голубое небо, автомобиль несется внизъ, а по сторонамъ ущелье, совершенно какъ мы видѣли съ тобой въ “Демонѣ”. Все въ лѣсахъ. Я только торопился протирать пенснэ. За ущельемъ открывается “Кучукъ - Мускомская долина”. Тутъ мы стали подниматься, а потомъ на холостомъ ходу (такъ называетъ шоферъ, когда машина идетъ съ выключеннымъ радіаторомъ) спустились въ Байдарскую долину.

Здѣсь мы остановились набрать воды въ на-

сось передъ кафе-столовой. Нѣкоторые вышли закусить, но я уклонился, ожидая въ “Кириле” ужина, и прошелся заглянуть на жизнь мѣстнаго населенія. Дворики, крохотные, меньше нашихъ сумскихъ, дома же съ балкончиками безъ сѣней. Женщины положительно всѣ уроды, такъ-что, дѣтуленька, о романахъ и въ голову не приходитъ. Ты, вѣдь, у меня ревнующая! Я какъ разъ думалъ, хорошо бы съ тобою вмѣстѣ все это видѣть. Шоферъ мнѣ объяснилъ, что хотя татары магометане, однако у всѣхъ по одной женѣ, такъ какъ держать больше дорого стоитъ, значить и тутъ совершенно какъ у насъ.

Но что меня привело въ трепетъ, такъ это “Байдарскія ворота”. Умопомрачительно! Нарочно выписываю изъ путеводителя:

“Байдарскія ворота построены въ 1848 году (годъ Парижской Коммуны. А. П.) и пользуются широкой извѣстностью за свое очень эффектное положеніе: они расположены на самомъ краю крутого склона, почти обрыва къ морю. За воротами сразу открывается грандіозный видъ на южный берегъ и море”.

Но здѣсь нужно было бы перо Гоголя или Невмировича-Данченко (помнишь его “Забытая Крѣпость”? Правда, тамъ дѣйствіе на Кавказѣ, но все равно).

Отсюда мы пустились выписывать такіе кренделя внизъ, что я только держался за шляпу, даже пенснэ протирать не могъ. Боюсь соврать, но не меньше семи разъ были на краю гибели при поворотахъ — шоферъ это называетъ — “кренъ”. При моей нервности такое выдержать трудно, такъ что когда влетѣли въ тоннель, я сталъ кричать, но

послѣ все объяснилось къ общему удовольствію. До самой Алупки ѣхали со смѣхомъ, вспоминая приключенія. Въ краткихъ словахъ — совершенно, какъ въ кинематографѣ заграничной фильмы.

Такъ что всю фееричность описать не берусь. И все время по правую руку море перловаго цвѣта (помнишь картины Айвазовскаго въ музеѣ Александра III-го?). Шоферъ объяснилъ мнѣ, что цвѣтъ моря зависитъ отъ подводной растительности и атмосферическаго давленія, но я ему не очень вѣрю, такъ какъ почему оно бываетъ такое синее? — въ путеводителѣ это, навѣрно, объяснено подробно.

Сдѣлалъ еще одно странное наблюденіе. На остановкѣ (мѣняли шину) сорвалъ цвѣты вродѣ нашихъ колокольчиковъ, только больше, другого цвѣта и стоящіе торчкомъ. Сѣвъ на мѣсто, понюхалъ и удивился. Даже какъ-то неловко стало (ты знаешь, какой я стѣснительный), — но были одни только мужчины, такъ что сомнѣваться не приходилось — цвѣты эти пахнутъ женщиной. Очень странно! Я нарочно спряталъ и съ этимъ письмомъ посылаю тебѣ.

А отъ Алупки насъ только двое осталось — я да музыкантъ одинъ, композиторъ, назвался Тесьминовымъ. Музыки его я что то не слыхалъ, самъ же, видимо изъ породы хлыщей, верхолетовъ — несимпатичная фізіономія, знаешь — съ манерами такими. Тоже въ “Кириле”. Ну да вѣдь теперь кто только не знаменить! Настоящихъ людей, ученыхъ, въ грошъ не ставятъ, а все больше скоропѣлками да наглецами пробавляются. Я, конечно, со свойственной мнѣ учтивостью началъ было выражать ему свой восторгъ передъ видами, такъ онъ хоть бы что! Совершенно не чувствителенъ къ красотамъ! Только и услышалъ отъ него: “да, говорить — ничего”. А еще человекъ искусства, Богъ

съ нимъ! Одно обидно, когда вылѣзали передъ дворцомъ — будто бы онъ одинъ и пріѣхалъ. Ахъ, Тесьминовъ! охъ, Тесьминовъ! Конечно, потомъ все выяснилось: Барышни и дѣвицы со скукидохнуть, а потанцовать не подо что.

Мнѣ комнату отвели съ художникомъ Крайницкимъ (тотъ самый!) и еще двумя врачами — пріятные люди. Я съ ними долго и плодотворно бесѣдовалъ на сонъ грядущій.

Ну, роднюсенька моя, на этотъ разъ довольно — и такъ — одиннадцать страницъ отмахалъ, самъ удивляюсь. На слѣдующій случай стану тебѣ отсылать вродѣ дневника со всѣми подробностями, а теперь цѣлую мою кокосъ въ любимую родинку и остаюсь любящій Кутикъ.

Р. С. А вотъ ты и не знаешь, почему я тебя кокосъ назвалъ! Это по-татарски значитъ — голубые глаза, голубоглазка! Вотъ что, кокосикъ мой, безцѣнненькій!

Р. Р. С. Не забудь рецептъ прислать отъ пятна — очень беспокоюсь!

III

**Ученый агрономъ Наталія Максимовна`
Думко — врачу Надеждѣ Ивановнѣ Ольгиной**

(Записка, переданная за табльдотомъ въ "Кириле", 11 мая).

Обратите вниманіе. Тесьминовъ снова отсутствуетъ. Я возмущена. А вы? Здѣсь кроется какая-то тайна — предлагаю установить планомѣрный розыскъ. Я уже предприняла кое-что. Дѣйствуйте! Единственный интересный человѣкъ — и тотъ исчезъ. Безобразіе!..

Н. И. Ольгина — Н. М. Думко

(На обратной сторонѣ записки отвѣтъ Ольгиной).

Я согласна. А какъ же тенись? Откладывается? Я атакую сосѣда справа — онъ болтливъ и любопытенъ — разнюхаетъ. Не кажется ли вамъ, что мы похожи сейчасъ на провинціальныхъ барышень, ловящихъ кавалеровъ? Это даже забавно.

IV

**Профессоръ Михаилъ Андреевичъ Угрюмовъ —
женѣ Маріи Васильевнѣ Угрюмовой въ "Ай-Джинъ"**

Москва, 12 мая.

Марисенька, Марисенька, опять ты меня мучаешь. Ни слова, кромѣ странныхъ телеграммъ. Я нервничаю почему-то со вчерашняго вечера невозможно.

Дорогая моя, такъ много, какъ - будто, говорили обо всемъ, много путей намѣчали. Знаешь, что я могу дать, знаю, что ты мнѣ можешь дать. Зачѣмъ же опять мучаешь молчаніемъ и тревожными телеграммами? Хоть двумя, тремя словами давай знать о себѣ и о дѣтяхъ, аккуратно присылай хоть двѣ — три строчки. Если же мучаешься, если не въ силахъ справиться со своими терзаніями, — брось все и пріѣзжай — попробуемъ вмѣстѣ какъ-нибудь еще разъ найти лучший исходъ.

Въ прошломъ году я говорилъ тебѣ, говорю и сейчасъ — у тебя есть всѣ данныя, чтобы быть счастливой женщиной — сумѣй ею быть.

Писать не могу больше. Измученъ, усталъ, путаются мысли. Одного прошу — пожалѣй себя, меня, малышей. Цѣлую.

Р. S. Сейчасъ думаю, какъ нехорошо, какъ глупо было тебѣ ѣхать въ Крымъ.

Изъ Записокъ Антона Герасимовича Печеныхъ

V

“Кирилле”, 12 мая.

Чтобы не забыть: отвратительный подаютъ намъ къ чаю шоколадъ. Откуда только выкопали? Опреѣленно, завѣдующій — жуликъ. Мнѣ передавали за достовѣрное, что онъ все тащитъ къ женѣ завѣдующаго виннымъ складомъ, который теперь въ Москвѣ. Она тоже не дура. Живетъ въ Ай-Джинѣ, держитъ столовниковъ — кормитъ ихъ на казенный счетъ. Недавно видѣлъ ее на пляжѣ — костистая, но все же не дурна, сознаюсь, особенно со спины. Третьяго дня рассказывали — устроила ему истерику — всю ночь не давала спать профессору Кашкину (онъ съ супругой для удобства живетъ не въ санаторіи, а во флигелѣ Ай-Джинскомъ). А почему истерика? Къ любовнику, видите-ли, пріѣхала невѣста! Потѣха! Вообще, чего не дѣлается!

Мнѣ тоже еще эти барышни двѣ — агрономша и докторша — надоѣли до смерти. За столомъ черезъ каждыя два слова смѣются. Какой можетъ быть отдыхъ послѣ этого? Теперь у нихъ тема — Тесьминовъ. Прямо противно! А я до него докопаюсь! Типъ несомнѣнно подозрительный. Я этихъ красавчиковъ знаю. Особенно они отвратительны, если выглядятъ моложе своихъ лѣтъ (несомнѣнно, признакъ легкомыслія). Поселился этотъ музыкантишко тоже въ Ай-Джинѣ, хотя совершен-

но одинъ, но вотъ представьте, не пожелалъ жить совмѣстно съ другими отдыхающими. Тутъ, безусловно, нечисто! Можетъ и мнѣ удовольствія нѣтъ ночевать самъ-четыре. Однако, мирюсь.

Говорятъ, будутъ въ скорости москиты кусать, но самое поразительное и достойное быть отмѣченнымъ то, что, кусая пребольно, остаются невидимы для невооруженнаго глаза.

VI

**Молодой ученый, врачъ Василій Савельевичъ
Ждановъ — товарищу, врачу-венерологу
Федору Константиновичу Курдюмову
въ Ленинградъ**

“Кириле”, 16 мая.

Ты ужъ на меня, братишка, не серчай за долгое молчаніе — самъ знаю, виноватъ. Облѣнился въ конецъ — пожалуй, только во вредъ мнѣ отдыхъ.

Лежу на камушкахъ голый, жмурюсь на солнце и не пойму — откуда у меня такія дурацкія мысли: будто вотъ сейчасъ встану и пойду домой чай пить, а дома меня ждетъ жена и похожа она на нашу фельдшерицу Анчутину.

Или еще этакое: никакихъ КУБУ, диспансеровъ, здравотдѣловъ, клиникъ, лабораторій — нѣтъ, городовъ тоже нѣтъ — а кругомъ дичь, пустыня, лѣсъ, море — и словъ никакихъ человѣческихъ не знаю — только мычу, нюхаю воздухъ — смолой пахнетъ, солью — силища въ мускулахъ лошадиная, кажется — прыгну, саженой пять перемахну. Чепуха, конечно, — а вотъ до того пріятно, что сказать нельзя. Много у насъ все-таки звѣринаго осталось — чуть ближе къ землицѣ, къ солнцу, какъ тотчасъ же всякіе тамъ культурные навыки къ чорту. Хотя, что же тамъ говорить — поскреби меня, тебя, другихъ нашихъ ребятъ — дикари. И очень я этому радъ — дикарь прежде всего рационалистъ, безбожникъ, у него все на потребу. Вотъ мы и культуру тоже къ себѣ приспособимъ,

а фетишей, отвлеченности, идеализмъ — къ чорту. Въ этомъ — наша сила. И вовсе это не цинизмъ — въ цинизмѣ всегда большая доля рисовки, упадочничества, — а напротивъ, вѣра въ себя. Развѣ дикарь можетъ быть циникомъ? У него нѣтъ стыда, но есть здоровый инстинктъ — право же, это во много разъ лучше. А ежели ко всему прибавить наши точныя знанія, такъ мы такого понадѣлаемъ...

Нѣтъ, хорошо все-таки, иногда, вотъ такъ, на солнцѣ голымъ полежать — если и завелась случайно въ башкѣ труха какая — всю вѣтромъ выдуетъ.

Ты все-таки меня не крой — вотъ увидишь, приѣду — зубами въ работу вгрызусь, а сейчасъ — отдохнѣ, такъ ужъ отдохнѣ.

Ѣздилъ вчера верхомъ — лошаденка на видъ паскудная, какъ припустила въ гору — только держись.

Помнишь, весну девятнадцатаго года подъ Екатеринославомъ? Иной разъ самому себѣ не вѣришь, какъ это такъ случилось, что живу я въ палатахъ, сплю на пружинной кровати, ѣмъ по звонку пять разъ на день — о т д ы х а ю. Неужто и моя крупица приложена къ тому, что сейчасъ нашъ братъ можетъ отдыхать, учиться, думать. Чудеса! Вѣдь мы же девять лѣтъ провели на нотахъ — только продрался въ университетъ, какъ тотчасъ же — винтовка, конь, переходы, переправы, — на-чеку каждая минута. И какой гулъ, какой шумъ, какая человѣческая лавина протекла передъ моими глазами. Чего только на ходу не передѣлано.

Помнишь, когда я зывѣдывалъ наробразомъ въ Нѣжинѣ, мнѣ приходилось винтовку ставить въ углу своего кабинета. А стѣнгазета, которую

мы набирали подъ обстрѣломъ въ сошедшемъ съ рельсъ агитпоѣздѣ! А партійное совѣщаніе въ затонувшей баржѣ въ Новгородъ-Сѣверскѣ, когда мы даже понятія не имѣли, въ какую сторону ушли наши части, и всѣ наши эвакуированныя учрежденія состояли изъ насъ самихъ — пяти завоѣвъ!

Надо сознаться, мы надѣлали по молодости по спѣшкѣ, по излишнему рвенію — немало глупостей за эти годы. Не жалѣя себя, мы еще меньше жалѣли другихъ, мы слишкомъ надѣялись на свои силы и свою партійную непогрѣшимость, мы, навѣрно, казались подчасъ очень смѣшными, самоувѣренными недоучками (да что грѣха таить, такъ оно и было въ самомъ дѣлѣ) — но вотъ же правыми оказались все-таки мы, потому что здоровый инстинктъ дикаря вывелъ насъ изъ такихъ дебрей, гдѣ бы любой культурный человѣкъ давно сгинулъ.

И вотъ я снова въ лабораторіи, снова у анатомическаго стола, но уже какъ хозяинъ жизни. Право, когда объ этомъ подумаю, то начинаю смѣяться отъ радости, какъ дуракъ. Этого никогда не сумѣетъ понять человѣкъ, шедшій только путемъ учобы, интеллигентъ старой формациі. Для него наука тоже какое-то священнодѣйствіе, культъ, а не черная, полезная работишка.

Я тутъ ихъ успѣлъ понаблюдать вдоволь — и старыхъ идеалистовъ-народниковъ, и просто профессионаловъ - ученыхъ, и “отрицающихъ”, и “пріемлющихъ”. Всѣ они на одну мѣрку и всѣ они смотрятъ на насъ (такихъ, какъ я, здѣсь пять-шесть человѣкъ) съ испуганнымъ любопытствомъ. А право же, мы не кусаемся и даже за табльдотомъ держимъ себя, “какъ истые европейцы”. Но что же подѣлаешь, если науку мы не можемъ отдѣлать отъ жизни, при чемъ у насъ первая служить второй, а не обратно.

Съ однимъ я тутъ разговаривалъ по-дружески, онъ, правда, не ученый, а музыкантъ — эти люди искусства народъ болѣе легкій, идеологія у нихъ хромаетъ на всѣ четыре ноги, но зато они хоть способны понимать другихъ. Зовутъ его Тесьминовымъ. Онъ, кажется, въ своей области спецъ, и не изъ послѣднихъ. Мы лежали рядомъ на пляжѣ и по голому своему положенію разговорились на чистоту. Помыкался онъ въ эти годы тоже порядкомъ, правда, все больше “спасаясь”, но народишка перевидалъ достаточно и, какъ человѣкъ наблюдательный, понаторѣлъ. Разумѣется, въ первую голову атаковалъ меня насчетъ “личной жизни”.

— Вы совсѣмъ не признаете личной жизни ?

— То-есть, какъ же не признаю?

— Да у васъ, коммунистовъ, все — коллективъ, пролетаріатъ, общественность, астрономическія величины, а личная жизнь — это что-то, по-вашему, очень маленькое.

— Одно другому не мѣшаетъ, — отвѣчаю.

— Вотъ въ томъ-то и дѣло, что зачастую мѣшаетъ!

— Тогда это хужѣ...

Онъ такъ сразу и обволновался:

— Нѣтъ, право, отвѣтите мнѣ просто, какъ человѣкъ человѣку — считаете ли вы возможнымъ часть своей души отдавать не обществу, не коллективу, а одному лицу, любимой женщинѣ, скажемъ. Даже не часть души, а большую часть, всю душу? Представляете ли вы себѣ такой случай, когда любовь свяжетъ васъ всего, когда творить, думать, работать вы сумѣете только во имя ея?

— Нѣтъ, не представляю.

— Однако, это возможно? Вѣдь случаи такіе бывали, а, слѣдовательно, и теперь могутъ быть?

— Если бы такъ случилось, я, любя одну, что вполне естественно, но вмѣстѣ съ тѣмъ сознавая себя членомъ коллектива, членомъ своего класса, своей партіи — легко сочеталъ бы это “во имя”, дѣлая для того и для другого свое дѣло. Вѣдь, любовь — радость, вѣдь, она творящее начало, я такъ понимаю. Съ любимымъ товарищемъ трудъ кажется легче. Въ чемъ же тогда коллизія?

Онъ отвѣтилъ мнѣ почти съ ожесточеніемъ:

— Въ томъ, что не всегда любимый человѣкъ можетъ быть вашимъ товарищемъ. Въ томъ, что любовь не справляется съ метрикой, партійнымъ билетомъ, съ классовой родословной. Въ томъ, что въ одинъ не прекрасный день вы увидите, что любимый человѣкъ — чужой вамъ во всемъ или, напротивъ, что свой во всемъ человѣкъ — не любимъ уже вами. И вотъ вы тогда должны дѣлать свое личное дѣло, спасти свое личное счастье, вы не сумѣете во имя партійной или какой-либо иной дисциплины, во благо общества жить съ этимъ человѣкомъ, а если останетесь жить, то трудъ вашъ будетъ безрадостенъ и слѣдовательно безплоденъ. Вы перестанете быть общественно-полезнымъ человѣкомъ. Тогда какъ, — выкидывать васъ изъ партіи? признать анти - общественнымъ элементомъ? Но развѣ это выходъ? О, если бы любовь была только половымъ влеченіемъ! Тогда все устранивалось бы очень просто.

— Мы могли бы выбрать себѣ подъ масть, даже не мы, а, если угодно, особая комиссія по увѣличенію народонаселенія.

— Но это не такъ, вы знаете, что это далеко не такъ! Любовь ничему не подчиняется. Вотъ вы, молодой ученый, врачъ, коммунистъ, человѣкъ новой формации, трезвый умъ, а вы можете сказать увѣренно, кого изберетъ ваше сердце? Однажды

вы полюбите пустую барышню или умницу, но изъ иного міра — и вотъ начнется путаница, все полетитъ вверхъ тормашками, вы не успѣете очухаться, какъ васъ всего вывернетъ наизнанку. Развѣ среди васъ же не было такихъ примѣровъ? Вы скажете, что на то есть у человѣка сила воли, взять себя въ руки. Ну, а дальше что? Хватить у васъ силъ отказаться навсегда отъ личнаго счастья?

Я ужъ сейчасъ и не помню, что онъ говорилъ еще, но все сводилось къ тому, что вопросъ личной жизни, личнаго счастья, очень серьезный, большой вопросъ, и теперь, когда мы перешли къ мирному строительству, требуетъ разрѣшенія въ первую очередь.

Съ этимъ я, пожалуй, съ нимъ согласенъ. Чортъ возьми, мнѣ что-то не приходилось объ этомъ задумываться, но, конечно же, институтъ брака, хотя бы гражданскаго, въ томъ бытовомъ укладѣ, въ какомъ онъ сейчасъ продолжаетъ находиться, безусловно нежизнененъ и требуетъ иныхъ формъ. А любовь... грѣшный человѣкъ, я всегда думалъ, что влюбиться — должно быть очень весело, а любить — большое счастье, да вѣдь на ходу этого не испытаешь, а отдыхаю я въ первый разъ за эти девять лѣтъ. Поживемъ — увидимъ. Только зачѣмъ все-таки такъ много вниманія удѣлять любви? Тесьминову она, какъ видно, шибко насолила.

Тутъ къ нему равнодушна одна наша — Ольга, хорошая работница, безпартійная, но изъ тѣхъ, что добротѣе иной партійной. Жаль мнѣ дѣвку, замучаетъ онъ ее своими любвями, слишкомъ ужъ онъ путаный. А, вѣдь, съ перваго взгляда — здоровый парень. Вотъ, что значить — старая косточка. Только я на этотъ счетъ

слабъ, честно говорю, не пробовалъ — тебѣ виднѣе, ты человѣкъ женатый — разберись-ка самъ, да вразуми меня, неуча. На этомъ кончаю.

Съ коммунистическимъ привѣтомъ

Ждановъ.

VII

Совѣтская служащая, машинистка, Евгенія Петровна Вальященко — сослуживицѣ Гладышевой въ Москву

Деревня Кореизъ, 17 мая.

Ну, милуха, я до того загорѣла и раздобрѣла здѣсь, что ты меня не узнаешь. Совершенная арапка. И съ ужасомъ думаю о томъ, что мнѣ придется снова возвращаться въ Москву, садиться за свою машинку и видѣть передъ собою ежедневно вислоухаго.

Дни бѣгутъ чортовски быстро. А съ каждымъ днемъ все новыя знакомства — такъ много любопытнаго. Я сняла комнатку за пятнадцать рублей въ мѣсяцъ у извощика — татарина — онъ очень веселый, вѣчно скалитъ зубы, и жена у него тоже веселая, въ комнатѣ чисто, въ саду созрѣваютъ черешни. Окна мои выходятъ въ садъ — просыпаюсь въ шесть утра и прямо въ садъ умываться, вытираюсь и смотрю на Ай-Петри — онъ передо мной. Пью молоко изъ-подъ коровы — парное. Въ дѣтствѣ терпѣть его не могла, а теперь обожаю.

Наша деревня рядомъ съ Ай-Джиномъ, бывшимъ имѣніемъ Николая Михайловича. Въ его дворцѣ теперь домъ отдыха союза металлистовъ, а въ дальнихъ флигеляхъ — совхозъ. Тамъ сда-

ются комнаты частнымъ лицамъ — тамъ же я сто-
луюсь у моей пріятельницы Сонечки Перовой. Она
замужемъ за бывшимъ завѣдующимъ виннымъ
складомъ — мужъ ея въ отъѣздѣ — она даетъ
обѣды. У нея цѣлая исторія тутъ вышла, настоя-
щій романъ, только объ этомъ послѣ.

Въ нее влюбился теперешній завѣдующій —
очень красивый, Игорь Константиновичъ, изъ быв-
шихъ, — ты понимаешь? Объ этомъ всѣ говорятъ.
Она его ревнуетъ, онъ пропадаетъ у нея цѣлыми
днями. Я ихъ должна мирить ежедневно. Это то-
же весело!

Сонечка мнѣ о немъ все рассказываетъ — я
даже и не знала, что есть такіе мужчины... Только
объ этомъ послѣ.

Представь себѣ, онъ... Нѣтъ. Я тебѣ этого не
расскажу.

Мы съ нимъ подружились, конечно, безъ вся-
кихъ ухаживаній. По-товарищески. Каждый ве-
черъ пьемъ вино — онъ носитъ очень хорошее изъ
своихъ подваловъ. Училъ меня цѣловаться — од-
нимъ языкомъ...

Днемъ послѣ обѣда, — всѣ спать, называется
“мертвый часъ” — отвратительное время. Я ва-
ляюсь и читаю Данилевскаго изъ библіотеки. А
послѣ чаю, въ четыре часа иду въ “Кириле” на
тенись. Тамъ у меня тоже завелись знакомые лю-
ди. Со мной играютъ двѣ барышни — врачъ и
агрономъ, онѣ изъ новыхъ, обѣ некрасивыя, но
ничего, славныя, — все время смѣются. Четвертый
партнеръ — Сандовскій, знаешь нашъ — членъ
правленія. Есть еще три-четыре изъ молодежи, а
остальные все почтенные, сѣдовласые старцы. На-
до ихъ только видѣть, когда они гуляютъ, или на
пляжѣ. Моціонъ двухсотлѣтнихъ.

Да! Еще тутъ живетъ писатель Пороша. Слы-

хала, должно-быть изъ “попутчиковъ”? Я его не читала — понять ничего нельзя, но онъ знаменитый и очень забавный. Такой бѣлесый, въ круглыхъ очкахъ. Мы съ нимъ встрѣтились въ паркѣ. Онъ остановился передо мною и говорить:

— Вамъ, конечно, не скучно?

Я засмѣялась и отвѣчаю:

— Нѣтъ, не скучно!

— А мнѣ скучно, — говорить: — пойдемъ вмѣстѣ гулять.

Такъ и познакомились. Про дѣтство свое рассказывалъ — чуть отъ хохота не умерла.

— Очень я тогда врать любилъ, — говорить.

— А теперь нѣтъ?

— И теперь люблю.

Съ нимъ уютно. Третьяго дня вечеромъ читалъ онъ свой новый рассказъ, всѣ слушали за большимъ столомъ на верандѣ.

Только я не слушала, потому что въ это время пришелъ Тесьминовъ, музыкантъ, со своей дамой Маріей Васильевной. Они живутъ въ Ай-Джинѣ вмѣстѣ, это тоже цѣлая исторія.

Марья Васильевна жена какого-то профессора, у нея два сына, одному девять, другому одиннадцать лѣтъ. Пріѣхала она двѣ недѣли тому назадъ, заняла въ совхозѣ комнаты, а обѣдаетъ у Сонечки.

Представь себе женщину лѣтъ подъ сорокъ, съ маленькими черными глазками, вздернутымъ носомъ, съ поджатыми губами, нечистымъ цвѣтомъ кожи, напудренную, небольшого роста, всегда одѣтую очень ярко, однимъ словомъ “молю траченую”, по выраженію Кирюшки. Говорить очень быстро и всегда такое, понимаешь, впечатлѣніе, точно немного выпивши. Мальчишки у нея насто-

ящіе хулиганы, все время ревуть и дерутся. Но она за ними не смотрить.

И вотъ пять дней тому назадъ является сюда этотъ Тесьминовъ, извѣстный музыкантъ — ему на видъ не больше двадцати восьми лѣтъ. Веселый, стройный, бритый, въ тюбетейкѣ, курить трубку — похожъ на итальянца. Ему отвели въ “Кириле” комнату, а онъ на другой день забралъ вещи и переселился въ совхозъ, къ этой Марьѣ Васильевнѣ рядомъ. Даже ѣсть пересталъ ходить въ “Кириле”. И все время съ ней вмѣстѣ. Мальчишки его дядей Колей зовутъ. Я у нихъ спрашивала, кто онъ — они говорятъ “маминъ пріятель”. Какъ это тебѣ нравится?

На людяхъ они на “вы”, но я сама слышала, какъ она его называла “ты” и “Николушка”.

А мужъ ей, что ни день, то письма, то телеграммы шлетъ. Я только и жду какого-нибудь скандала. Что они любовники — это ясно! Не понимаю одного — гдѣ у него глаза. Выбралъ тоже! Ни на шагъ его отъ себя не отпускаетъ — прямо досадно, а съ нимъ, должно-быть, превесело! Онъ можетъ! Наша компанія рѣшила уже разыграть его — воображаю, эта Марья Васильевна разозлится! И подѣломъ — лучше бы за мальчишками смотрѣла, чѣмъ романы заводить.

Вчера вижу — иду по царской тропкѣ, объ руку — она ему все что-то говоритъ, говоритъ, а онъ только головой качаетъ. Дураки эти мужчины, надо отдать справедливость.

Ну, пока! цѣлую тебя —

Женя.

Р. S. Придется на это письмо двѣ марки клеить — ты, дура, чувствуй!

VIII

**Марія Васильевна Угрюмова — Михаилу
Андреевичу Угрюмову**

ТЕЛЕГРАММА.

Москва, Сивцевъ - Вражекъ, 36
Угрюмову.

Взволнована сообщеніемъ выѣзжаю Москву
четвергъ встрѣчай дѣти здоровы

Марія.

IX

**Надежда Ивановна Ольгина — брату Петру
Ивановичу Ольгину въ Кіевъ**

“Кириле”, 20 мая.

Петя, Петунька, Пѣтушокъ — ку-ку-ре-ку! Что же это ты, свинтусъ такой—второе письмо тебѣ пишу, и хоть бы хны? А еще любящій братъ, другъ, товарищъ! Или ужъ ты такъ заважничалъ, обзавился (новое производное отъ зава — приоритетъ за мной)?

Нѣтъ, кромѣ шутокъ — неужто за всѣми своими дѣлами — я вѣрю, что ихъ у тебя по горло —

ты не найдешь минутки, чтобы удѣлить мнѣ. А помнишь, уѣзжая изъ Москвы, далъ слово оставить для меня мой уголокъ — какъ въ дѣтствѣ — за комодомъ. Я такъ привыкла къ тому, что вотъ у меня такой человѣчекъ — Петунька — и никто больше, которому въ любую минуту можно пожаловаться на самого себя, поругаться отъ чистаго сердца, и въ свой чердакъ спрятать у себя — твое, никому неизвѣстное. Это же какъ хорошій душъ.

Мы съ тобой оба работяги-одержимые, скрытники, какъ насъ зоветъ мама, и только другъ для друга — неисправимые фантазеры, дуралии несусвѣтные. Такъ вотъ, изволь выкладывать: я же знаю, что у тебя опять неладно — по глазамъ видала, когда провожала. Не отнѣкивайся. Правда, въ письмахъ объ этомъ говорить трудно, но что же дѣлать, если нашъ комодъ давно проданъ, а между нами 1.000 верстъ. Сама я сейчасъ ни о чемъ не думаю — смѣюсь съ утра до вечера (а ты знаешь мой идиотскій смѣхъ, съ захлебомъ) — благо нашла себѣ подходящую компаньонку, агрономшу одну — Думко — хохотушку ужаснѣйшую. Она прелесть, прелесть! Вся такая крѣпкая, круглолицая съ веселыми карими глазами, румяная, говорить по-хохлацки — на о, плаваетъ какъ утка, ныряетъ, по горамъ лазаетъ, въ тенисъ играетъ до одури (каюсь, грѣшная, ракетку-то я все-таки увезла съ собой — васъ съ мамой обдурила — ну, что подѣлаешь! ругай не ругай, не могу я эти режимы выносить! а все-таки пять фунтовъ прибавилось — тебѣ въ утѣшеніе — съ легкими все въ порядкѣ — клянусь!).

А недавно еще одинъ къ намъ присоединился — композиторъ Тесьминовъ. Тоже — милый, милый! Ему подъ сорокъ, а душа у него настоящаго мальчишки. Чего мы только съ нимъ не выдѣлы-

вали. Кто бы сказалъ, что всѣ ученые уважаемые лица! Думко да я его сразу же рѣшили переманить къ себѣ — видимъ человѣкъ мается. И чудесно! Представь себѣ, даже въ горѣлки играетъ. Онъ ловкій и хитрый, какъ муха. У него тутъ одна знакомая есть — кажется любовь — да намъ какое дѣло. Она сейчасъ уѣхала въ Москву къ мужу — вотъ мы его и приспособили. Человѣкъ много видѣлъ, много знаетъ, интересно рассказываетъ, увлекающійся должно быть, но съ нами очень просто, а главное не пытается говорить “объ умномъ”. Вотъ возьму, да и влюблюсь, заведу себѣ крымскій романъ. Что ты скажешь?

Нѣтъ, Пѣтушокъ, — можешь быть спокоенъ, — ты вѣдь знаешь — въ душу мою попасть трудно. Даже Васю туда не пускаю, а, вѣдь, кажется, у насъ съ нимъ крѣпко.

Вотъ написала это и остановилась. Нѣтъ, конечно же крѣпко, мы съ нимъ одной породы, однихъ устремлений, однихъ правилъ. Только онъ больше меня, умнѣе, глубже. И все-таки, несмотря ни на что — не могу пустить, какъ тебя. Почему это?

Вчера послѣ ужина набѣгавшись — Наташа Думко, Тесьминовъ и я — пошли въ кафе къ татарамъ. Пили вино, потомъ турецкій кофе — Тесьминовъ по обыкновенію рассказывалъ, мы обѣ ржали, какъ лошади, а потомъ онъ внезапно замолкъ, оборвалъ, лицо стало — старымъ, старымъ, и говорить, обращаясь ко мнѣ:

— Вотъ, скажите, кичкине (по-татарски значить маленькая), отчего всегда бываетъ такъ, что такая, какъ вы или Наталія Максимовна — по духу мнѣ близкія — никогда меня въ серьезъ не примутъ. Вамъ со мной только легко, весело, — а серьезное — это вы для другого. Я ничуть не оби-

женъ — вѣрьте мнѣ. А вотъ иной разъ думается — неужто, любимый многими, я обреченъ на вѣчное одиночество, потому что умѣющій ухо не захочетъ меня слушать, а глухому я самъ не откроюсь.

Мы ему отвѣтили шуткой, что, напротивъ, его всѣ наперебой готовы слушать, и онъ этимъ широко пользуется, но послѣ, лежа въ постели, я подумала: а не испытываетъ ли каждый изъ насъ то же — и ты, и я, и Вася — что самый родной, самый нужный намъ — всегда вмѣстѣ съ тѣмъ и самый далекій. Вотъ почему я, откинувъ спѣсь, пишу тебѣ это письмо. Большое счастье знать, что оба мы другъ для друга не глухи. А Тесьминова мнѣ жаль, если его слова не поза — нѣтъ, онъ говорилъ искренно. И жаль и пріятно за человѣка — значить не все въ немъ балованность, легкомысліе, удача — есть и кое что отъ страданія, хотя на короткія минуты.

Вотъ видишь, какая твоя сестра догадчица. Хвали и пиши скорѣе.

Дина..

Х

Изъ записокъ Антона Герасимовича Печеныхъ

20 мая.

Безъ всякихъ комментарій: вчера послѣ ужина, часовъ въ 10, явился изъ Ай-Джина Тесьминовъ — конечно, дѣвицы наши — ахъ! ахъ!!

Началось слѣдующее: заигралъ профессоръ Думко (сѣдая борода, 65 лѣтъ, отецъ Наталіи) фокстротъ, Тесьминовъ демонстрировалъ танецъ, несмотря на просьбы милѣйшаго Павла Ивановича не танцевать, такъ какъ танецъ запрещенный. Ноль вниманія! Потомъ пѣли хоромъ, кто во что гораздъ, а послѣ Тесьминовъ сѣлъ за рояль, а ему въ аккомпанементъ стали бить по чемъ попадя — по бутылкамъ, подносамъ, а докторша съ агрономшей Думко въ гребешки съ бумажкой задудѣли. Катастрофа! Затыкай уши, бѣги вонъ! Надъ гостиной покоятся старцы — наша гордость, народо-вольцы, эти же прохвосты безъ стыда устраиваютъ шабашъ. Я только пожалъ плечами и ушелъ демонстративно, а на утро заявилъ завѣдывающему — онъ обѣщалъ принять мѣры.

XI

Жена профессора Лидія Георгіевна Кашкина — актрисъ “Молодого театра” Еленъ Прокофьевнъ Леонтьевой въ Москву

Совхозъ “Ай-Джинъ”, 27 мая.

Дорогая Леличка, ты преувеличиваешь.

Изъ меня никогда ничего не выйдетъ. Въ театральнѣй школѣ мнѣ пророчили блестящую будущность — я даже не сумѣла стать заурядной провинціальной актрисой. Я писала стихи — теперь они мнѣ самой кажутся наивными. Послѣднее время я увлекалась прозой — нѣкоторые отрывки читала мужу — онъ былъ въ восторгѣ, несмотря на свою сѣдину и профессорскую серьезность, отъ моихъ волосъ.

Ты знаешь, что я танцую и неплохо играю Шумана. Когда я была невѣстой, Леонидъ вѣчно упрасивалъ меня играть, увѣряя, что у меня большія музыкальныя способности — я ему вѣрила, потому что онъ знатокъ музыки, теоретикъ искусства, мой преподаватель. Много послѣ — онъ мнѣ признался, что когда я играла, онъ даже не слушалъ, — жадно слѣдя за движеніями моихъ косъ за спиною. Онъ оказались краснорѣчивѣе Шумана. Я и сама теперь пришла къ твердому убѣжденію, что онъ — единственная моя неоспоримая цѣнность.

По утрамъ, послѣ чаю, идя на пляжъ, я позволяю себѣ вольность — двѣ черныя косы до колѣнъ и парчевая тубетейка на головѣ. Мужъ не спускаетъ съ меня въ эти минуты влюбленныхъ глазъ. Пусть радуется.

Онъ старше меня на пятнадцать лѣтъ, но все еще способенъ пылать, тогда, какъ я...

Мнѣ кажется, что у меня рыба кровь. Можетъ быть поэтому я пытаюсь занять себя чужими страстями и бабью свою любовь къ сплетнямъ облакаю въ беллетристическую форму.

Прошлый разъ я описала тебѣ нашу компанію изъ "Кириле". Двѣ недѣли назадъ къ ней прибавились новыя лица — композиторъ Тесьминовъ, экономистъ Печеныхъ и художница Геймеръ — послѣдняя пріѣхала нѣсколько позже. Съ пріѣздомъ Тесьминова нашъ маленькій муравейникъ закопошился. Онъ служитъ неисчерпаемой темой для сплетенъ, пересудовъ, сенсаций. Все кажется таинственнымъ въ его поступкахъ. Нашлись люди, правда, не знавшіе его лично, но прекрасно осведомленные о его похожденияхъ.

Съ каждымъ днемъ прибавляется какая-нибудь пикантная подробность. Мужчины двусмысленно подымаютъ брови, дамы ахаютъ, дѣвицы поправляютъ прически.

Я не назвала бы его красивымъ. Въ его лицѣ есть что-то жесткое, хищное, нѣсколько наигранное. Онъ, конечно, чувствуетъ, что на него смотрятъ, и рисуется. И вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ кажется, что онъ застѣнчивъ — это дѣлаетъ его еще болѣе дерзкимъ.

Его посадили въ день праздника за нашъ столъ. Мы ужинали. Онъ быстро прошелъ къ указанному мѣсту, ни на кого не глядя, неловко поклонился намъ и тотчасъ же опустилъ глаза въ тарелку. Ру-

ки его съ длинными, гибкими пальцами музыканта всегда въ движеніи, всегда что-нибудь перебираютъ и очень выразительны. Онѣ созданы для того, чтобы хватать, брать, осязать, говорить, онѣ притягиваютъ, гипнотизируютъ. Нижняя часть лица его замкнута, суха, упряма, верхняя — по-дѣтски открыта, развернута въ широкомъ размахѣ бровей, лба, закинутыхъ назадъ волосъ.

Когда его сосѣдка справа спросила, какъ онъ доѣхалъ и хороша ли погода въ Москвѣ, онъ вспыхнулъ, какъ школьникъ, но тотчасъ же послѣ этого въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ не отрываясь, дерзко смотрѣлъ въ мою сторону, такъ что я не знала, куда повернуть голову. Мой мужъ это сразу замѣтилъ и послѣ ужина въ разговорѣ со мной обозвалъ его нахаломъ. Мужчины не переносятъ самоувѣренности въ другихъ мужчинахъ.

Пріѣхавшій съ Тесьминовымъ другой экономистъ Печеныхъ похожъ на сороконожку. Съ круглой лысой головкой, круглыми щечками, покрытыми рыжимъ пухомъ, круглымъ животикомъ, широкимъ тазомъ и короткими ногами. Онъ надоедливо говорливъ, преувеличенно любезенъ, каждый предметъ называетъ уменьшенно: “ножичекъ”, “салфеточка”, “дождичекъ”. Тошнотворно провинциаленъ и сластолюбивъ. Тесьминовъ бѣгаетъ отъ него, какъ отъ огня. Печеныхъ мститъ ему за это и не далѣе какъ вчера рассказалъ мнѣ про него гнусную сплетню. Не станемъ повторять ее.

Художницу Геймеръ я видѣла мелькомъ и еще не составила о ней мнѣнія. Это высокая женщина съ молодыми, смѣющимися глазами, дѣвичьимъ румянцемъ и совершенно сѣдыми стриженными волосами. Вотъ въ кого бы я влюбилась на мѣстѣ мужчины. Но развѣ у нихъ есть вкусъ?

Ты видишь, какая я беспомощная беллетрист-

ка. Исписала семь страницъ, а такъ и не добралась до фабулы. Правда, если брать себѣ примѣромъ такихъ писателей, какъ Пороша, то пожалуй...

Нѣтъ, я не хочу отступлений.

Итакъ Тесьминовъ совершенно неожиданно оказался нашимъ сосѣдомъ. Онъ сбѣжалъ изъ “Кириле”, должно быть, спасаясь отъ Печеныхъ, и поселился въ Ай-Джинскомъ флигелѣ, тамъ же, гдѣ и мы.

Я уже писала тебѣ, что единственное неудобство нашего жилища это — общій балконъ, раздѣленный на двѣ части бамбуковой ширмой. Одна половина принадлежитъ намъ, другая — нашей сосѣдкѣ — Марьѣ Васильевнѣ Угрюмовой. Она прелестная женщина, но ея дѣти! — ты знаешь, я не люблю дѣтей. Мы съ ней знакомы, но почти никогда не говоримъ. Она замкнута, взволнована, живетъ въ своемъ обособленномъ мірѣ, поглотившемъ ее цѣликомъ.

Когда здороваешься съ нею или задаешь какой-нибудь пустяшный вопросъ, у нея видъ человека, разбуженнаго или неожиданно выведеннаго изъ глубокой задумчивости. Мнѣ никогда не приходилось испытывать что-нибудь подобное, но я увѣрена, что эту маленькую женщину подавляетъ какое-то огромное чувство — она изнемогаетъ подъ его тяжестью, потерялась въ немъ, исчезла. Въ ея глазахъ испугъ и зачарованность странника, попавшаго въ сказочный лѣсъ, изъ котораго нѣтъ выхода.

Впервые я увидѣла ее всю и поняла только на дняхъ, когда случайно встрѣтила въ “Чаире”.

“Чаиръ”, бывшее имѣніе какой-то великой княгини, теперь отданное сельскохозяйственной школѣ. Дворецъ и паркъ расположены у самаго моря, значительно ниже нашей “Кириле”, Ай-Джи-

на и другихъ усадебъ. Каменный парапетъ четкимъ полукружьемъ нависаетъ надъ береговымъ хаосомъ бурыхъ валуновъ и оливковыхъ волнъ. Все плато передъ дворцомъ — иное, цвѣтущее, благоухающее море. Розы точно бѣгутъ тебѣ навстрѣчу въ одномъ едва примѣтномъ движеніи своихъ бѣлыхъ, желтыхъ, розовыхъ, алыхъ лепестковъ. Онѣ невысоки, едва достигаютъ колѣнъ, и ихъ можно видѣть сверху—охватить однимъ взглядомъ всю гамму ихъ многоцвѣтнаго разлива.

По вечерамъ школьники — мальчишки и дѣвченки — въ однихъ трусикахъ, съ піонерскими алыми платками на головахъ или вокругъ шеи поливаютъ это весеннее царство. Отдыхающіе изъ всѣхъ близлежащихъ санаторій — приходятъ сюда любоваться розами и покупать ихъ. Но въ послѣобѣденные часы — здѣсь бываетъ безлюдно.

Я часто ухожу сюда одна, когда мужъ спитъ, сажусь въ розовую бесѣдку надъ моремъ и читаю. Правда, это не мѣшаетъ мнѣ уносить домой книгу, развернутую на той же страницѣ, на какой я ее оставила въ предыдущій разъ. Трудно читать, когда все вокругъ невольно приковываетъ твой взглядъ и не отпускаетъ.

Въ такую-то минуту я и увидѣла идущую вдоль парапета Марью Васильевну. Она шла, опустивъ вдоль бедеръ руки, усталой походкой человека, не знающаго куда себя дѣвать, едва лишь замѣчающаго дорогу. На ней было ярко - желтое полоняное платье и бѣлый кружевной чепчикъ на солнцѣ — напоминалъ лѣниво плывущій венеціанскій парусъ. Вѣтеръ обдувалъ у ея ногъ подолъ платья, мѣшая итти, но она этого не замѣчала. Она и меня не замѣтила, проходя мимо, несмотря на то, что смотрѣла прямо передъ собой. Лицо ея едва тронулъ загаръ, губы были плотно

сжаты, горькой, тонкой чертой. Яркое платье подчеркивало худобу повядшихъ щекъ.

И внезапно это лицо преобразилось — трудно сказать, что это было. На моихъ глазахъ она похорошѣла небывало, изъ глубины хлынувшимъ счастьемъ — глаза, ротъ, щеки, подбородокъ — заиграли такой ошеломляющей полнотой жизни, желанья, сладкой боли, что мнѣ на мгновенье показалось, что вотъ-вотъ я услышу придушенный стонъ или крикъ.

Я повернула голову — навстрѣчу ей шелъ Тесьминовъ. Онъ, видимо, не ожидалъ ее всрѣтить здѣсь, не хотѣлъ этой встрѣчи. Ты представляешь себѣ лицо самоувѣреннаго мужчины, пойманнаго на мѣстѣ преступленія и пытающагося скрыть свое смущеніе развязной, приторной улыбкой.

Въ рукахъ онъ держалъ огромный букетъ розъ. Я угадала тотчасъ же — букетъ, предназначенный другой, по тому, съ какой поспѣшной готовностью онъ подалъ его Марьѣ Васильевнѣ. Она протянула руку, смущенная, дѣвичья улыбка открыла ея губы. Эта женщина любила.

Жена, мать, человѣкъ, — все исчезло, умерло, — осталась только любовь. И до чего же жалкимъ рядомъ съ ней показался мнѣ Тесьминовъ. У мужчины всегда виноватый видъ, когда онъ знаетъ, что безразличная ему женщина его любитъ, хотя бы онъ никогда и не обольщалъ ее своей любовью.

Мнѣ хотѣлось подойти и ударить его по щекѣ.

Сейчасъ я понимаю, что это желаніе было глупо, что, въ сущности, онъ ни въ чемъ не виноватъ. Мы не въ силахъ любить по заказу. Но тогда во мнѣ возмущилась женщина, а можетъ-быть даже человѣкъ. Непостижимо, какъ можно пройти мимо такоѣ любви.

Они ушли подъ-руку, тѣсно прижавшись другъ

къ другу. Какъ два любовника, которые боятся потерять лишнюю минуту близости.

Но они не любовники. Теперь я это знаю. И никогда ими не будутъ. Тѣмъ тяжелѣе ея грѣхъ, ея ноша. Слыть въ глазахъ людей романтической любовницей, каждой каплей крови желать этого и все же оставаться чужой любимому человѣку — непереносимо. Что ихъ связываетъ, вѣрнѣе, что заставляетъ его жить о-бокъ съ нею? Если она не говоритъ ему о своей любви — онъ все же долженъ ее чувствовать. Это жестоко.

Недѣлю тому назадъ — она уѣзжала въ Москву къ мужу. Вызвалъ ли онъ ее или она сама рѣшила бѣжать къ нему... Не знаю. Но она вернулась еще болѣе раздавленной.

Я спрашиваю себя — благодарить ли мнѣ судьбу за то, что она меня лишила способности такъ сильно чувствовать. А все-таки мнѣ чуть-чуть поженски завидно.

Въ тотъ же день вечеромъ мнѣ снова довелось быть свидѣтельницей этого страннаго романа. Я вернулась изъ “Кириле” послѣ ужина раньше обыкновеннаго. Мужъ остался тамъ доигрывать партію въ шахматы. Не зажигая огня, я раздѣлась, сѣла въ кресло и, перебирая косы — вмѣсто чего-то, заглядѣлась на луну. Черезъ настежь распахнутую дверь на балконъ, мнѣ виденъ былъ край неба, море съ лунной дорогой, черныя острія кипарисовъ. Я не услышала, какъ на балконъ вышли Марья Васильевна и Тесьминовъ. Увѣренные въ томъ, что насъ нѣтъ дома, они заговорили вполголоса, но достаточно громко для того, чтобы я могла ихъ услышать отъ слова до слова.

Первымъ моимъ движеніемъ было встать, закрыть двери, дать о себѣ знать, но такъ какъ они начали свой разговоръ значительно раньше того,

что я ихъ услышалъ, и мое предупрежденіе смутило бы ихъ, я осталась неподвижной. Къ тому же такая скрытая нескромность простибельна женщинѣ, да еще претендующей на званіе беллетриста.

Характерный Тесьминовскій профиль изъ трехъ острыхъ угловъ — лба, носа и подбородка, виденъ былъ ясно на фонѣ посеребренного неба. Марья Васильевна все время оставалась въ тѣни. Одинъ только разъ мелькнулъ черный силуэтъ ея руки, протянутой къ Тесьминову и тотчасъ же безпомощно упавшей.

— Все это такъ, — продолжалъ Тесьминовъ: — но въ концѣ концовъ — въ чемъ твоя мука? Ты сама увѣряла, что въ этотъ пріѣздъ въ Москву тебѣ удалось найти съ мужемъ общій языкъ, договориться. Вы поняли, что любите другъ друга, несмотря ни на что и разстаться не можете. Ты простила ему его, назовемъ, “ошибки”, онъ повѣрилъ въ чистоту нашихъ отношеній. Изъ-за чего же еще угрызаться? Мои чувства къ тебѣ давно тобою проверены — я никогда не обманывалъ тебя... Ты знаешь, что я и не могъ дать большаго... а все же это преданная, вѣрная любовь... вѣдь не одну только страсть мы называемъ любовью. Отказаться отъ тебя, какъ человѣка, мнѣ было бы очень трудно... Но я усталъ, запутался, ты это знаешь не меньше моего... передъ тобой весь этотъ годъ я былъ какъ на духу... Такъ дай же мнѣ притти въ себя, не дергай...

— Ты уходишь отъ меня...

— Какъ?

— Ты сталъ другимъ. Я тебя не узнаю послѣ пріѣзда... совсѣмъ чужой... съ чужими...

— О чемъ ты говоришь? Чужой — съ чужими... что это значитъ?.. У тебя нервы... Иди на

люди, какъ я, попробуй развлечься, отвлеки свои мысли...

— Не могу.

— Почему?

— Потому что мнѣ всѣ противны. Мнѣ не о чемъ разговаривать съ людьми. Я забыла, какъ это дѣлають. Мнѣ скучно съ ними, я ихъ не слышу. Когда ѣздила въ Москву, побыла съ Мишей, мнѣ казалось, что все утихло, что я могу попрежнему жить для него, для дѣтей. Я говорила ему о тебѣ совершенно спокойно, потому что сама вѣрила, что ты мнѣ только другъ... Теперь не могу вѣрить...

— Что же дѣлать?

— Не знаю.

— Уѣхать?.. Я уѣду.

Она не отвѣчала долго, потомъ едва слышно:

— Я не переживу этого...

Въ его голосѣ прорвалось раздраженіе. Онъ произнесъ по-мужски тупо и жестоко, пытаясь этимъ отгородить себя.

— Не по-ни-ма-ю!

И все же послѣ паузы, видя, что она молчитъ, точно оправдываясь, началъ снова, по-мальчишески, обиженнымъ тономъ:

— Вы оба съ мужемъ истерики. Вы мучаете другъ друга отчаянными телеграммами, трагическими письмами и сами не знаете, чего вамъ нужно. Устраиваете бурю въ стаканѣ воды, но ни на что не можете рѣшиться. Если не въ силахъ склеить совмѣстную жизнь — разойдитесь. Но зачѣмъ же трагедіи? Онъ считаетъ меня пустымъ, легкомысленнымъ человѣкомъ безъ принциповъ, но, право же, я во много разъ честнѣе съ самимъ собой, чѣмъ онъ...

Она перебила его съ болью:

— Ахъ, да развѣ дѣло въ немъ?

— А въ комъ же?

Онъ тотчасъ понялъ, насколько былъ опасенъ для него этотъ вопросъ, и мгновенно смолкъ — профиль качнулся — долгія минуты виденъ былъ только черный овалъ его затылка.

Вотъ тогда мелькнула ея рука и раздался придушенный плачь.

Босая, въ одной рубашкѣ, забывъ осторожность — я кинулась къ выходной двери. Къ счастью въ ту же минуту раздались шаги мужа. На балконѣ тотчасъ же все затихло.

Сейчасъ пишу тебѣ это, какъ нѣкій беллетристическій экзерсисъ, а все не могу успокоиться. Я не перестаю о нихъ думать. И самое раздражающее во всей этой исторіи то, что я не знаю, кто же въ концѣ концовъ изъ нихъ виновенъ. Мы всегда успокаиваемся, когда можемъ вынести приговоръ. Здѣсь же я безсильна. Мнѣ даже начинаетъ казаться, что виновата — я. Незачѣмъ было подслушивать. Нѣтъ, серьезно, долженъ же кто-нибудь быть виновнымъ?

А не виноваты ли мы всѣ — пережившіе старыя формы брака, семьи, перешагнувшіе черезъ нихъ, но не сумѣвшіе найти новыя и заблудившіеся?

Но это уже не моя область. Пусть займутся этимъ моралисты. Хотя, кажется, теперь таковыхъ упразднили. Ну, тогда общественники. Перестраивать, такъ перестраивать, чортъ возьми!

Ты замѣчаешь, какіе успѣхи я начинаю дѣлать въ “новомъ” стилѣ?

Цѣлую тебя въ благодарность за терпѣніе, съ которымъ ты прочла мою мазню.

Твоя Лида.

Р. С. Какъ твое здоровье? Когда собираешься въ Крымъ? Какъ успѣхи въ кино Всеволода?

XII

Марія Никитична Вострова — уборщица въ санаторіи — Антону Герасимовичу Печеныхъ

“Кириле”, 27 мая.

Вы меня, товарищъ, не тискайте, а ежели еще будете тискаться, завѣдующему пожалуюсь. Я тоже сознательная и могу вполне выслушать ваши объясненія насчетъ душевнаго состоянія, а руками прошу не чепаться. Отвѣтъ положите въ каменную вазу, которая въ розовой бесѣдкѣ.

Маруся.

XIII

Студентъ Павелъ Ефремовъ, племянникъ Угрюмова, — Маріи Васильевнѣ Угрюмовой въ Ай-Тодоръ

Москва, 27 мая.

Маня,
Вамъ пишетъ человѣкъ съ больной, замученной, отравленной душой, переживающій непереносимое.

симое — Вы знаете, какъ незаслуженно жестоко поступила со мною Катя — и Ваша капля яду была влита въ ту чашу, что не минула меня.

Въ это дикое, безумное время, въ этомъ омутѣ грязи, лжи, низости, въ которомъ я барахтался и едва не задохнулся — только одинъ человекъ глубоко понимая меня, говорилъ мнѣ правду, поддерживалъ во мнѣ остатокъ уходящей воли, удержалъ отъ преступленія, открылъ мнѣ глаза на многое — мой дядя, мой другъ, а Вашъ мужъ Михаилъ.

Онъ самъ былъ тогда неспокоенъ, онъ самъ мучился Вашимъ отъѣздомъ и все-таки нашелъ въ себѣ присутствіе духа жить моими страданіями. Онъ твердо и искренне высказалъ свое мнѣніе о Катѣ, о ея измѣнѣ, о ея бѣгствѣ. И съ того часа я его безконечно люблю, безмѣрно ему благодаренъ. Онъ показалъ мнѣ меня самого и заставилъ смириться. Я понялъ, что самая тяжелая правда легче фальши, лжи. Когда человекъ разбирается въ окружающемъ — онъ долженъ знать все, иначе онъ запутается, потеряетъ себя.

Я не могъ быть нечестнымъ съ Михаиломъ, не считалъ себя вправѣ скрывать отъ него что-либо, — быть можетъ во вредъ Вамъ, самому себѣ, потому что я сознался ему и въ своихъ дурныхъ побужденіяхъ, въ борьбѣ съ которыми за эти дни исчерпались всѣ мои силы.

Я не смѣлъ скрыть отъ Михаила то недостойное, что слыхалъ и зналъ о Васъ, потому что онъ страдалъ, онъ бродилъ въ потемкахъ — и подозрѣнія, я это знаю по собственному опыту, тяжелѣе увѣренности.

Михаилъ достоинъ того, чтобы смѣло глядѣть въ глаза правдѣ, какъ бы она ни была ужасна. Нейтральнымъ я не хотѣлъ и не долженъ былъ оставаться. Его враги — мои враги. Я ненавижу Васъ

за тѣ страданія, которыя Вы ему причиняете, мнѣ выбирать между Вами нечего — я разъ и навсегда съ Михаиломъ.

Вы сказали, когда пріѣхали, что не подадите мнѣ руки за то, что я сказалъ Михаилу о Вашей любви къ Тесьминову, о Вашихъ съ нимъ свиданіяхъ — каждый разъ въ отсутствіи Михаила. Что же, воля Ваша — рука моя чиста. Я и вторично поступилъ бы такъ же. Изъ приличія можно скрывать истину отъ посторонняго человѣка, но нельзя молчать, когда видишь страданія ближняго.

Если Вы любите Михаила, какъ я его люблю — Вы поймете меня, если же любовь Ваша не полная — намъ съ Вами не по пути. Пусть буду во всемъ виновенъ я — я знаю, что я поступилъ честно. Мнѣ больше ничего не нужно. У меня нѣтъ и не было заднихъ мыслей по отношенію къ Вамъ, я говорилъ открыто, не скрывался, просилъ Михаила сослаться на меня. Мнѣ самому было больно за Васъ. У Васъ не хватило мужества такъ поступить по отношенію ко мнѣ, хотя весь романъ Кати былъ Вамъ извѣстенъ, Вы были ея довѣренной — Вы обѣ обманывали меня.

Я желаю лишь добра Михаилу — въ этомъ нѣтъ и не должно быть зла для Васъ, пока Вы съ нимъ — одно существо.

Если то, что говорятъ о Васъ, клевета — ее легко разрушить, если — правда, то она не должна быть скрыта, не можетъ быть оправдана. Если Вы всей душой, всѣми помыслами, всѣмъ существомъ безъ остатка съ Михаиломъ, какъ это Вы говорили въ свой послѣдній пріѣздъ, то тѣмъ легче Вамъ было снять съ себя тяжесть тайны, разъ она уже была открыта. И тогда дорогая, милая, хорошая,

тогда и я всей душой съ Вами — тогда мы союзники. Вы все всегда понимали — поймете и меня.

Павелъ.

XIV

**Николай Васильевичъ Тесьминовъ —
завѣдующему домомъ отдыха “Кириле”**

(Записка послана съ дѣвочкой изъ Ай-Джина 28 мая).

Милѣйшій Павелъ Ивановичъ, прошу Васъ передать всѣмъ кирилейцамъ мои искреннія извиненія въ томъ, что вчера не состоялся мой маленькій концертъ, обѣщанный мною. Поѣздка на Кошку (паденіе съ лошади) задержали меня значительно дольше намѣченного часа. Спѣшу загладить свою невольную безтактность обѣщаніемъ играть завтра, во что бы то ни стало.

Жму руку
Н. Тесьминовъ.

XV

**Писатель Сергѣй Пороша — Наталіи
Максимовнѣ Думко**

(Записка передана во время концерта Тесьминова вечеромъ 29 мая).

Играетъ онъ на ять, но мнѣ всегда отъ музыки пить хочется. Не дернуть ли намъ всѣмъ къ Ибрагиму? Маленькій наворотъ. А?

Ибрагимъ.

Пороша.

XVI

Наталія Максимовна Думко — Надеждѣ Ивановнѣ Ольгиной

(Записка, переданная во время концерта Тесьминова вечеромъ
29 мая).

Какъ бы такъ устроить, чтобы послѣ концерта утащить Николая Васильевича одного, безъ Угрюмовой? — онъ при ней никуда не годенъ. Пороша зоветъ къ Ибрагиму — пить вино. Сообразите что-нибудь.

Н.

XVII

Художница Раиса Григорьевна Геймеръ — профессору Леониду Викторовичу Кашкину

(Записка, переданная во время концерта Тесьминова вечеромъ
29 мая).

Милый Леонидъ Викторовичъ, не можете ли вы спросить у Тесьминова, почему онъ назвалъ свою симфонію "Поединокъ"? Съ кѣмъ? Не съ этой ли несчастной Угрюмовой, которая не сводитъ съ него глазъ? У нея видъ давно побѣжденной и поверженной ницъ. Еще одна просьба — познакомьте меня съ нею, я когда-то знавала ея мужа, мы съ нимъ были друзьями. Она меня интересуетъ, какъ человѣкъ и занятная модель.

Р. Г.

XVIII

Марія Васильевна Угрюмова — Николаю

Васильевичу Тесьминову

(Записка, положенная на столъ въ комнатѣ Тесьминова въ
3 часа ночи на 30 мая).

Вы — плохой товарищъ. Я больше не въ силахъ. Убирайтесь вонъ! Уѣзжайте куда хотите, оставьте меня въ покоѣ. Что вамъ отъ меня нужно? Зачѣмъ вы цѣплаетесь за меня? Неужели у васъ нѣтъ настолько чуткости, чтобы понять мои мученья? Никто еще такъ отвратительно не поступалъ со мною.

Я ждала васъ послѣ вашего концерта до двухъ часовъ, я не спала, я передумала всю мою любовь къ вамъ — такую ненужную, и пришла къ убѣжденію, что вы только ради издѣвательства надъ человѣкомъ — принимали ее. Съ какимъ трудомъ я отвоевала себѣ этотъ мѣсяцъ. Я ничего не ждала отъ васъ, вы знаете, кромѣ вниманія. Мы должны были жить общей товарищеской жизнью. Вѣдь, только одинъ мѣсяцъ. Но васъ и на это не хватило. Васъ потянуло отъ меня къ другимъ, вы отдѣлились отъ меня, вамъ точно совѣстно быть вмѣстѣ со мною на людяхъ. Конечно, совѣстно! Я чувствую это.

Развѣ такимъ вы пріѣхали сюда? Я помню все, что вы тогда говорили: "Я усталъ, я только ищу покоя, бездумья, тишины. Люди мнѣ страшны, противны. Я никого не хочу видѣть, устройте меня

около себя. Я буду послушный, ласковый. Только съ вами мнѣ хорошо. Мы будемъ ходить, гулять, вы мнѣ расскажете о себѣ, я стану читать вамъ, мы будемъ сидѣть на балконѣ, смотрѣть на луну, на море, молчать, понимать другъ друга”.

Все это вы мнѣ сказали слово въ слово, въ день своего приѣзда. Я была такъ счастлива. Развѣ я васъ просила тогда о большемъ, развѣ я ждала вашей страсти, развѣ я требовала любви? Все мое существо тянулось къ вамъ, мнѣ хотѣлось стать передъ вами на колѣни, цѣловать ваши руки, гладить ваши волосы, но, вѣдь, я этого не сдѣлала. Сдержала себя. Вы сами протянули руку и медленно перебирали своими говорящими пальцами мои пальцы. Можетъ быть, вы замѣтили, какъ они дрожали, но, клянусь вамъ, я дѣлала нечеловѣческія усилія, чтобы сдержать эту дрожь. Вы не можете пожаловаться на меня. Но вы жадный. Боже мой, какой вы жадный! Вамъ все мало. Едва вы глотнули свѣжаго воздуха, въ васъ снова проснулся бѣсъ. Вы забыли все — свою усталость, отвращеніе къ людямъ, меня. Вы побѣждали на первый зовъ. Не спорьте — васъ волнуетъ каждый, брошенный съ любопытствомъ или восхищеніемъ въ вашу сторону взглядъ. Вы любите любовь къ вамъ. Вы неразборчивы — вамъ все равно, кто васъ любитъ, кто вами восхищается. Вы необычайно воспріимчивы къ внѣшнимъ проявленіямъ вниманія и совершенно не чутки къ глубокому чувству. Все новое васъ прельщаетъ, какъ ребенка, какъ ребенокъ вы тянетесь жадно къ нему руками, хватате — глаза Ваши горятъ (они всегда горятъ у васъ вспышками, какъ ракета), цѣлуете — потомъ ломаете, отшвыриваете прочь и бѣжите къ другому.

Но, вѣдь, я у васъ прошу только одинъ мѣ-

сяцъ — четыре недѣли общей жизни, тридцать дней совсѣмъ скромной, невинной близости. Но и этого вы не захотѣли мнѣ дать.

Такъ лучше уходите. Оставьте меня. Забудьте о моемъ существованіи!

XIX

Венерологъ Федоръ Константиновичъ Курдюмовъ — Василю Савельевичу Жданову въ Гаспру

Ленинградъ, 1 іюня.

Отвѣчаю тебѣ, Ждановъ, кратко. Некогда — работы въ диспансерѣ по горло, народъ поразѣхался, приходится за пятерыхъ разрываться. Чортъ ихъ знаетъ — лѣтомъ всегда затишье, а тутъ больныхъ по тридцать-сорокъ на пріемъ и каждый день новые. Все это твои отдыхи на лонѣ природы, любовь!

Кого ни спросишь — “отъ проститутки?” — отвѣчаютъ: — “ничего подобнаго — по любви, — совершенно порядочная”.

Вотъ къ чему приводятъ эти твои вопросы и тесьминовское личное счастье. Къ разнузданности, къ гонорреѣ и сифилису. У меня пятнадцать больныхъ заразились отъ женъ, а жены отъ такихъ, какъ Тесьминовъ. Къ чорту!

Недѣлю назадъ привели къ намъ двухъ дѣвушекъ-сестеръ: одной шестнадцать, другой семнадцать лѣтъ. Онѣ пришли въ Ленинградъ изъ-подъ Витебска пѣшкомъ. Собрались учиться. Какъ водится безъ гроша денегъ. На первой же остановкѣ, когда онѣ голодные попросили поѣсть у желѣзнодорожнаго сторожа, онъ согласился накормить ихъ при условіи, что онѣ ему отдадутся. Онъ взялъ

ихъ по очереди — дѣвственницъ. Послѣ этого ихъ брали въ каждой деревнѣ, на всѣхъ перекресткахъ — насильно и по соглашенію — за хлѣбъ, за картошку, за кусокъ мяса. По скромному подсчету — ихъ “любили” семьдесятъ — восемьдесятъ мужчинъ. Что ты объ этомъ скажешь? Сейчасъ ихъ пристроили у насъ въ мастерской. А ну-ка, спроси, что онѣ думаютъ о любви и “личномъ счастьи”?

Твой Тесьминовъ дуракъ, въ лучшемъ случаѣ — неврастникъ. Предупреди его, что если онъ будетъ продолжать метаться отъ бабы къ бабѣ — ему не миновать моихъ рукъ. Я его имѣлъ удовольствіе знать — въ Гомелѣ. Онъ пріѣхалъ туда съ женой, спасаясь отъ голода. Устроился завѣдывать Музсекціей. Что-то тамъ наворачивалъ. Потомъ влюбился въ маленькую актрису. “Любовь” они закрутили всерьезъ: онъ бросилъ жену, перебрался къ ней. Жена ловила его на улицѣ и била по мордѣ. Однимъ словомъ — “личная трагедія”. При наступленіи бѣлыхъ, онъ собрался эвакуироваться, чего-то застрялъ — съ тѣхъ поръ я его не видѣлъ. Ну, а продолженіе этого “романа” всякому ясно.

Нѣтъ, батенька, гигиѣна тѣла и гигиѣна духа — идутъ всегда объ руку. Любовь — это какъ въ сторону — тогда только и дѣлу хорошо, и тебѣ удовлетвореніе и другимъ на потребу. А десять дѣлъ заразъ не передѣлаешь, — только напортишь.

О себѣ скажу одно: съ женой своей встрѣтился на работѣ — было намъ съ нею сообща ловко, понимали долгъ одинаково и рѣшили дѣлать дѣло дальше — сообща: поженились. А люблю я сейчасъ всего больше — дѣтишекъ своихъ. Растутъ крѣпышами, вырастутъ — станутъ людьми. Онито, — если ты къ тому времени все еще не поум-

нѣешь,—научать тебя, какъ строить личную жизнь, себѣ на счастье, другимъ на пользу. А мнѣ недо-сугъ.

Курдюмовъ.

XX

Маріи Васильевнѣ Угрюмовой — анонимъ

Мѣстной почтой, 2 іюня.

Сударыня, Вашъ любовникъ обманываетъ Васъ безстыднымъ образомъ. Это негодяй, я Вамъ до-ложу, первостепенный. Если желаете убѣдиться — отправляйтесь сегодня къ четыремъ часамъ на Ласточкино гнѣздо (въ старый домъ). Тамъ у него свиданіе съ докторшей О. Самъ собственными ушами слышалъ — сомнѣній нѣтъ.

Сердечно Вамъ преданныйN

!

XXI

**Врачъ-терапевтъ, ассистентъ клиники Василій
Александровичъ Васильевъ — Надеждѣ Ивановнѣ
Ольгиной въ Кириле**

Москва, 2 іюня.

Надюша дорогая, большое спасибо тебѣ за розы. Онѣ дошли совершенно свѣжими — я ихъ поставилъ у себя на столѣ. Странно только, что не пахнутъ. А вотъ письмо твое мнѣ не нравится. Оно какое-то не такое, какъ всегда у тебя — толковое и разсудительное. Во многомъ не разберусь. Съ одной стороны, выходитъ такъ, что тебѣ въ “Кириле” очень весело. что у тебя интересные знакомые, что ты замѣтно поправилась, кстати, ты совсѣмъ не пишешь, температурить-ли тебя днемъ, я просилъ слѣдить за этимъ, а съ другой стороны, ты какъ-то неясно пишешь, что несмотря на возможность продлить свой отпускъ, ты все же пробудешь въ Крыму до конца мѣсяца, а можетъ быть и того меньше, что ты почему-то должна такъ поступить. Это ужъ совсѣмъ нелѣпо. Ты знаешь, какъ важно тебѣ набраться силъ къ зимѣ — уѣзжала ты донельзя переутомленной, истощенной, и я увѣренъ, держалась на ногахъ только нервами.

Грѣшно было бы сейчасъ не воспользоваться случаемъ и по-настоящему не окрѣпнуть. На буду-

щій годъ врядъ ли удастся снова устроиться въ домъ отдыха.

Ты пишешь что хочешь увидѣть скорѣе меня, что у тебя будетъ серьезный разговоръ со мною. Ты не можешь сомнѣваться, что и мнѣ хочется быть съ тобой и чѣмъ раньше, тѣмъ лучше, но наши отношенія, наши чувства настолько прочны, такъ неизмѣнны, что, право, мы можемъ быть серьезными и не поддаваться минутнымъ слабостямъ.

Скажу тебѣ откровенно — здоровье твое меня сильно беспокоило, особенно, въ связи съ твоимъ неумѣніемъ беречь себя отъ переутомленія, и вотъ почему я настойчиво рекомендовалъ бы протянуть твое пребываніе въ “Кириле” возможно дольше. Само собою разумѣется, что это мое предложеніе нисколько не можетъ быть истолковано, какъ нежеланіе тебя видѣть. Ты сама врачъ и поступила бы такъ же въ отношеніи меня, если бы это вызывалось необходимостью.

Что касается серьезнаго разговора, то онъ, мнѣ кажется, у насъ всегда серьезенъ, поскольку серьезны мы сами въ отношеніи другъ къ другу, а потому не думаю, чтобы разговоръ, о которомъ ты пишешь, требовалъ исключительной обстановки и спѣшности. Въ крайнемъ случаѣ — въ нашемъ распоряженіи почта.

Ты еще говоришь въ письмѣ, что я, быть можетъ, недостаточно хорошо тебя знаю, что ты вовсе не такая, какъ я тебя представляю, что ты сама перестала понимать. Это для меня, дѣйствительно, что-то новое. Но объясняю себѣ такое твое состояніе только лишь естественной реакціей, какъ отраженіе быстро-крѣпнущей физики, рѣзкой перемѣной обстановки, среды, вынужденнымъ бездѣльемъ послѣ напряженной работы.

Все это пройдетъ, когда возстановится равновѣсіе. Ошибаться я въ тебѣ не могъ, а представлять себѣ то, чего нѣтъ — не въ моихъ правилахъ. Я думаю, что еще до полученія этого письма ты сама будешь посмѣиваться надъ своей экспансивностью.

Первая и самая неотложная задача передъ тобою сейчасъ — извлечь максимумъ пользы изъ своего пребыванія въ Крыму. Объ остальномъ позабочусь я.

Повторяю, намъ незачѣмъ задумываться надъ собою, а слѣдуетъ серьезно думать о нашемъ общемъ ближайшемъ будущемъ, когда мы заживемъ вмѣстѣ. Въ выдержкѣ и спокойствіи — залогъ счастья, а любовь наша такъ испытанна, что ей ничто угрожать не можетъ. Тѣмъ болѣе, что осень не загорами.

Крѣпко цѣлую свою симпатикотонику

Вася.

XXII

**Раиса Григорьевна Геймеръ — Михаилу
Андреевичу Угрюмову въ Москву**

“Кириле”, 3 іюня.

Не радуйтесь и не злорадствуйте. Пишу Вамъ эти нѣсколько строкъ вовсе не изъ желанія завязать переписку, а еще менѣе изъ желанія возобновить з н а к о м с т в о. Пишу только для того чтобы сообщить, что я — беременна. И отецъ будущаго ребенка — Вы. Сообщаю это для свѣдѣнія, но отнюдь не для трогательныхъ изліяній — я знаю — Вы чрезвычайно сентиментальны. Не отвѣчайте — письма буду рвать. Аборта не хочу — ребенокъ долженъ жить. Что побуждаетъ меня такъ поступить? Мое желаніе.

Что заставило меня сообщить Вамъ это? Мой долгъ.

Прощайте
Р. Г.

XXIII

Изъ записокъ Антона Герасимовича Печеныхъ

4 іюня.

Ну, конечно, узналъ! Прохвость этотъ Тесьминовъ патентованный. Такихъ бы вѣшать, а не аплодировать имъ, какъ это дѣлаютъ наши дуры и дураки. Вотъ самые достовѣрные факты изъ пер-

выхъ рукъ. Тесьминовъ этотъ уѣхалъ изъ Москвы, спасаясь отъ женъ — у него ихъ двѣ: съ одной невѣнчанной онъ прожилъ шесть или семь лѣтъ, отъ нея имѣется дочь, на второй онъ женился недавно, расписавшись по формѣ, но черезъ мѣсяцъ вернулся къ первой, а потомъ махнулъ сюда, къ этой самой Марьѣ Васильевнѣ, съ которой живетъ открыто... Но это что! Теперь ухлестываетъ за докторшей — каждый день ей нагло при всѣхъ розы изъ Чаира носить. Вмѣстѣ они съ утра до вечера шляются. Воображаю. Похохочетъ она, когда всѣ узнаютъ про него! Ужъ мы постараемся — дуръ учить надо!

Общественная язва, такіе люди, какъ Тесьминовъ. Талантишкомъ своимъ не оправдается! Суду гласности предать слѣдуетъ — показательнымъ процессомъ. И стерва же тоже эта Марья Васильевна! Мать двухъ дѣтей, жена почтеннаго человека, ученаго, предается адюльтеру, не моргнувъ глазомъ. Ну, и домъ отдыха! Отъ такихъ дѣлъ совершенно разболѣешься.

Послѣднія ночи не сплю напролетъ. Луна играетъ во всю, теплынь, и москиты подлые кусаются. Порядочному человѣку всегда одни огорченія. Не бѣгать же мнѣ, какъ Тесьминову, въ обнимку съ докторшей или вродѣ Пороши по ночамъ лазать за бытовымъ матеріаломъ. Я пріѣхалъ силъ набирать, укрѣпить нервы на трудную зимнюю работу. Едва выбрался. Какихъ трудовъ стоило свидѣтельство докторское получить, о скидкѣ хлопотать, комиссію улещивать. И все зря пропадаетъ.

Вчера вѣшался — за недѣлю полтора фунта прибавилъ только. Нѣтъ — кончится тѣмъ, что составлю подробную записку куда слѣдуетъ. Пусть найдутъ для развлекающихся другое мѣстечко.

XXIV

**Актриса "Молодого театра" Елена
Прокофьевна Леонтьева — Лиди Георгиевнѣ
Кашкиной изъ Москвы въ Ай-Джинъ**

4 іюня.

Мнѣ страшно, Лида, если бы ты знала, какъ мнѣ страшно было читать твое письмо. Это не совпаденіе — нѣтъ, это что-то болѣе жуткое. Я цѣлый день сегодня, какъ во снѣ, сама не разберусь въ своихъ чувствахъ, не могу заставить ихъ течь по опредѣленному и ясному руслу. И въ этомъ виновата ты.

Сейчасъ ночь. Помни, нужны были цѣлые сутки, чтобы заставить меня написать тебѣ хотя бы что-нибудь, имѣющее смыслъ. Ты не понимаешь? Я знаю. Но ты, милая Лида, ты — мой другъ, почти сестра, заставила меня страдать. Я постараюсь тебѣ объяснить, насколько это сейчасъ въ моихъ силахъ. Мысли путаются, рвутся — волнуюсь...

Много разъ, Лида, ты спрашивала — не понимая — о моей жизни, о моихъ отношеніяхъ съ Рюминымъ. Я не могла, не умѣла ихъ объяснить тебѣ — такой уравновѣшенный. Я говорила: люблю его. Но этого мало, это не то слово — я больна имъ.

Раньше, ты помнишь, какъ я любила себя, жизнь, солнце. Вотъ сказала — солнце. Какъ оно нужно мнѣ сейчасъ. Ты спрашиваешь, когда я поѣду туда, къ тебѣ, къ морю. Н и к о г д а.

Я не заблуждаюсь, не обольщаю себя. Я знаю твердо — конецъ мой близокъ — съ легкими все хуже. Но я не прїѣду. Все потому же, Лида. Изъ-за него. Боюсь признаться, но, можетъ быть, онъ даже былъ бы радъ, если бы меня не было съ нимъ, — здѣсь, сейчасъ. Я, я, я не хочу ѣхать...

Если бы ты знала, какъ стыдно, непереносимо стыдно бываетъ мнѣ за себя, за всѣхъ насъ, за него...

Я знала и тогда, давно, что онъ не бросить жену, не уйдетъ. — объ этомъ не было и рѣчи. Но я полюбила, шла съ радостью на униженіе съ перваго часа, какъ сошлась съ нимъ. Съ того часа я поняла, что у меня больше нѣтъ иного желанія, кромѣ одного — подчиниться чужой волѣ. Онъ силенъ, онъ никого не любитъ, кромѣ себя, но онъ умѣетъ заставить повѣрить, что вотъ ты — одна для него все. Умомъ не вѣрю, а сердцемъ, душою хочу вѣрить, дѣлю видъ, что вѣрю. Мнѣ нужно было выбирать или уйти совсѣмъ, или смириться. Я смирилась, потому что не могла уйти.

Никогда не забуду стыда своего, когда въ первый разъ пришла къ нему въ домъ, къ его женѣ. Онъ явился позже — спокойно поцѣловалъ жену въ лобъ, а мнѣ, сдержанно улыбаясь, пожалъ руку. Я хотѣла крикнуть: я имѣю тѣ же права, что и она — больше правъ, потому что сильнѣе люблю. Нужна была вся сила воли, чтобы не уйти, не расплакаться. Потомъ я привыкла, не могла отъ этого отказаться: входить къ нему въ домъ, улыбаться Тamarъ, говорить съ нею о театральныхъ дѣлахъ...

Одного не могу понять до сихъ поръ — для чего нужно было ему вводить меня къ себѣ въ домъ, знакомить съ женой, дѣлать меня чѣмъ-то своимъ, домашнимъ. Въ то время я еще была

такъ наивна, что вѣрила — для него я одна. Есть, правда, жена. Ну, что же — жена это что-то неизбѣжное, жена — это чистота — домъ, нянька для дѣтей, уютъ. Съ женой я могла мириться, даже чуть чуть презирала ее, какъ каждая женщина, которая чувствуетъ себя сильнѣе. А послѣ разглядѣла иначе. Да, есть жена — Тамара. Но кто она? что думаетъ? чѣмъ живетъ? Увидѣла ясно — она все знаетъ, все видитъ, и не я, а она смѣется надо мной.

Четыре года каждый почти день прихожу я къ Всеволоду, цѣлуюсь съ Тамарой, сажусь на диванъ — жду. Каждый день жду. Каждый день пытка перваго вечера повторяется сызнова, а отказаться отъ нея не могу. Можешь ли ты, гордая, представить себя на моемъ мѣстѣ...

Но зачѣмъ я пишу все это? Какое это имѣетъ отношеніе къ твоему письму? Можетъ быть пишу для себя, но ты слушай — связь есть. Я люблю его. Въ этомъ все. Твое письмо лишило меня покоя. Не понимаешь? Оно напомнило мнѣ о томъ, что сейчасъ меня больше всего мучаетъ.

Ты пишешь о Тесьминовѣ. Такъ вотъ — его жена Варя, акриса. О ней я хочу говорить. Я съ ней служила въ двадцатомъ году въ Новороссійскѣ. Что это за человѣкъ? Не знаю. Теперь я ее ненавижу и боюсь. Только тебѣ признаюсь въ этомъ—боюсь. Лида, вѣдь онъ—Всеволодъ—увлеченъ ею такъ, какъ никогда никѣмъ за эти годы. Онъ ищетъ встрѣчъ съ нею, онъ уходитъ отъ меня и жены къ ней, онъ думаетъ о ней, а онъ никогда раньше не думалъ о женщинахъ, которыхъ имѣлъ. Раньше, когда онъ увлекался, я говорила себѣ — онъ вернется. Изъ насъ двухъ — меня и жены — я была послѣдняя. Ну, что же — вторая жена. То же чувство, должно быть, испытываютъ жены му-

сультманъ. Я даже гордилась. Чѣмъ? Тѣмъ, что приходящіе къ Всеволоду знакомые, привыкли видѣть насъ двухъ неизмѣнно около него, нашего общаго мужа. Съ Тамарой я объяснилась безъ словъ. Если бы онъ захотѣлъ, я бы осталась у него жить, Тамара не возражала бы. Повѣрила ли бы я этому десять лѣтъ назадъ? Никогда.

Но вотъ — Тесьминова... Она способная актриса, съ четкимъ пріятнымъ жестомъ, выразительной мимикой. Ея сѣрые, большіе холодные глаза смотрятъ пристально, въ упоръ, не мигая, какъ у ночныхъ птицъ. Когда я ихъ увидѣла я поняла, что она сильнѣе насъ. Она любитъ театръ до самозабвенія, говоритъ и думаетъ только о немъ.

Внѣ сцены она дѣлается сѣрой и скучной. Ея ничто не интересуетъ. Она можетъ сидѣть на помятой кровати цѣлыми часами, непричесанная, полуодѣтая, подобравъ подъ себя ноги, съ осунувшимся, безцвѣтнымъ лицомъ и курить до одури одну папироску за другой... И все же она ему нравится. А я, которая за всѣ эти четыре года не забывала одѣться для него, причесаться для него — меня онъ пересталъ замѣчать.

Зачѣмъ она сидитъ у насъ ежедневно? Зачѣмъ ея холодные глаза, не мигая, смострятъ на меня и Тамару съ снисходительнымъ превосходствомъ? Она куритъ свои папиросы и наблюдаетъ. Тогда я вижу, что Всеволодъ начинаетъ волноваться, теряетъ свой апломбъ, дѣлается почти жалкимъ, униженнымъ. О, я знаю — онъ съ ней считается, какъ съ человѣкомъ, а въ насъ онъ видитъ только женщинъ. Насъ онъ можетъ любить — двухъ, трехъ, четырехъ, сочетать насъ вмѣстѣ — и никогда не подумаетъ, что это можетъ оскорбить. Ее, если полюбить, то полюбить одну. Тогда другихъ ему будетъ не нужно. Ты понимаешь?

Если бы я была увѣрена въ томъ, что сегодня, завтра, скоро — она сдѣлается его любовницей, я была бы спокойнѣй. Но я боюсь, что она никогда ею не будетъ. Она можетъ быть только одной. Въ ней есть какая-то увѣренность въ томъ, что надо, чего не надо дѣлать, какъ поступать. То, чего нѣтъ въ насъ. Это его покоряетъ.

Ушла ли она отъ Тесьминова, или онъ ее бросилъ? Что заставило ихъ разойтись? Я помню въ Новороссійскѣ, когда Тесьминовъ, разѣзжая въ концертномъ турнѣ по Кавказу, заболѣлъ сыпнымъ тифомъ, она не отвезла его въ больницу, а беременная на пятомъ мѣсяцѣ, до нельзя истощенная, продолжала работать въ театрѣ и цѣлыми ночами пестовала мужа, лазала на крышу за снѣгомъ для компрессовъ, бѣгала на рынокъ продавать послѣднія тряпки. Въ дни кризиса видѣла ее на репетиціяхъ съ неизмѣнной папироской въ зубахъ, стоически улыбающуюся на шутки товарищей, четко читающую свою роль. Ни одного жалостливаго слова, ни одной слезливой нотки, ни одного жеста отчаянія и усталости. Я, другая, третья, способныя на такое самопожертвованіе, въ концѣ концовъ, сдались бы. А вотъ она вынесла все, несмотря на то, что сама была похожа на смерть. Уже послѣ выздоровленія Тесьминова я спросила ее:

— Какъ вы могли вынести на своихъ плечахъ всю эту муку?

Она посмотрѣла на меня съ искреннимъ удивленіемъ и, попыхивая папироской, отвѣтила:

— Ну, что вы. Вѣдь иначе нельзя было.

И въ этомъ отвѣтѣ она сказала вся.

У нея родилась дѣвочка. За пять дней до родовъ она играла центральную роль въ какой-то пьесѣ, черезъ нѣсколько дней послѣ — она снова была на сценѣ. Ее можно было бы назвать ка-

менной, если бы не знать то, что знаю я. Но я не понимаю, какая же въ ней сила, если не сила любви. Любила ли она Тесьминова? Даже въ тѣ дни я не слыхала, чтобы она говорила о немъ съ лаской. Съ нимъ она была также равна и суха, какъ и съ другими. Но чувствовалъ ли онъ на себѣ гнетъ этой замкнутости? Не подавляло ли его то, что такъ покоряетъ Всеволода — ея неженское?

Можетъ ли она вообще любить? Я не понимаю ее и потому боюсь. Мы встрѣтились съ ней теперь послѣ пяти лѣтъ... Въ томъ, какъ она вошла впервые къ Всеволоду, какъ посмотрѣла спокойно, съ любопытствомъ на насъ, на Всеволода, уже сказались ея превосходство и ея сила, но не любовь. Она его не любитъ.

Въ чемъ ея сила? Можетъ быть въ томъ, что она никого никогда не любила, не умѣетъ любить.

Я боюсь, Лидочка, меня все время мучаетъ страхъ. Я иду по улицѣ и читаю вывѣски изъ суевѣрнаго страха передъ несчастьемъ.

Ухъять, ухъять. И не могу. Вернусь чужой, а она, Варвара Тесьминова, заставитъ забыть всѣхъ насъ, овладѣетъ имъ совсѣмъ. Нѣтъ, лучше все видѣть, все знать.

А тутъ твое письмо о ея мужѣ. Мнѣ показалось это какимъ-то знакомъ судьбы — хорошимъ или плохимъ? Хорошаго я уже не жду для себя.

Пиши скорѣе, моя родная, успокой

Твоя Лена.

Р. С. Милый, дорогой другъ, узнай мнѣ — напиши, прошу — ты же, вѣдь, встрѣчаешься съ

Тесьминовымъ — почему онъ разстался съ Варей? Изъ-за Всеволода или нѣтъ. Здѣсь никто ничего толкомъ не знаетъ. Нелѣпые слухи, сплетни, а гдѣ правда? Помоги мнѣ — я очень страдаю.

Л.

XXV

Евгенія Петровна Вальященко — Гладышевой въ Колпино

Деревня Корейзъ, 4 июня.

Дрянъ же ты пломбированная, милуха. Я тебѣ такія письмища откатываю, а ты открытки царапаешь. Что у васъ тамъ въ Колпинѣ — только и дѣлаютъ, что спятъ, что ли? И сама ты романа не закрутила? Ври больше! я тебя хорошо знаю, ты, вѣдь, на всѣ штаны со складкой безъ дрожи смотрѣть не можешь. И нашла тоже мѣсто — Колпино! Или опять онъ? Смотри — только не заразись. Мнѣ недавно одинъ докторъ рассказывалъ, что девяносто пять процентовъ мужчинъ больны. Чортъ знаетъ что! Я до того перетрусилась, что пять дней ходила сама не своя. Потомъ надъ собой смѣялась — вѣдь, Сонечка, я знаю — здорова. Ну вотъ, понимай какъ хочешь.

А все-таки ея Игорь — отчаянный мужчина. Даже не знаю, какъ это вышло. Только объ этомъ послѣ, а тутъ у насъ такое накрутило, что не дай Богъ. Мужъ Сонечки все еще не пріѣхалъ, и я ему отъ ея имени нѣжныя письма составляю. Она говоритъ, что сама не умѣетъ — противно. Игорь очень съ ней сейчасъ нѣженъ. Я его срамила за невѣсту — онъ ее отшилъ окончательно, а все съ Сонечкой. Я очень этому радуюсь — она такая славная. Ты только, пожалуйста, не думай, что у

меня съ нимъ серьезно! Чепуха! Просто по пьяной лавочкѣ. Потому что противъ Сонечки я никогда себѣ не позволю.

За мной очень ухлестываетъ нашъ Сандовскій. Все о литературѣ разговариваетъ, далъ мнѣ читать "Любовь Жанны Ней" Эренбурга — очень трогательно. Я съ нимъ задаюсь до чорта! Ты представляешь?

А еще подныриваетъ тутъ ко мнѣ одинъ ученый изъ Харькова — Печеныхъ — слюнявая такая образина. Прямо проходу не даетъ. Я купаться — онъ за мной. Раздѣнусь, — смотрю уже лѣзетъ изъ-за камня. Ноги у него, какъ у мертвеца — голубыя, тощія, съ надутыми жилами — отъ одного вида тошнить. Я ему прямо въ лицо смѣюсь, а онъ хоть бы что. Все меня подговариваетъ переѣхать въ Харьковъ. Обѣщаетъ хорошее мѣсто. Нашелъ дуру!

А вчера присталъ познакомить меня съ Марьей Васильевной, будто нужно ему для какихъ-то объясненій. Тесьминова честить почему зря. Откуда только выкапываютъ про него, да не про него одного, а про всѣхъ, — точно кругомъ одни мерзавцы. Рассказывалъ мнѣ, что слыхалъ, какъ Тесьминовъ назначалъ свиданіе докторшѣ Ольгиной на Ласточкиномъ гнѣздѣ, и что будто бы предупредилъ объ этомъ Марію Васильевну черезъ общую знакомую, но та не пошла, а онъ пошелъ и видѣлъ, Тесьминовъ цѣловалъ Ольгину и рассказывалъ ей про свои любовныя неудачи, а она его утѣшила. Конечно, вретъ половину, но все-таки похоже на правду. Ольгина теперь съ Тесьминовымъ бѣгаетъ каждый день, даже въ тенисъ перестала играть. Не понимаю этого Тесьминова — выбираетъ себѣ одну хуже другой. Ольгина эта — настоящій скелетъ — я съ ней купаюсь — груди совсѣмъ нѣтъ,

какъ у мальчика. Только она мнѣ больше Угрюмовой нравится — все-таки моложе и веселая. А Марья Васильевна настоящая панихида. Поѣдомъ его грызеть.

Вообще, тутъ всѣ въ любовной паникѣ, — чертовски весело!

Ну хватить съ тебя на этотъ разъ.

Цѣлую

Женя.

XXVI

Сергѣй Пороша — журналисту Семенецкому въ Зарайскъ

“Кириле”, 6 іюня.

Вотъ что, башковатый, я тебѣ скажу: Крымъ письменному человѣку погибель — точно въ банкѣ съ гумми-арабикомъ, — со всѣхъ сторонъ липнеть — красоты всякія, горы, сласти, жарыща, исторія — гуртомъ. Такъ и хочется сказать: — осадите, товарищи, маленько. Только некогда. Ходишь — потѣешь отъ натуги.

Стоялъ тутъ недалеко, гдѣ теперь Маякъ — римскій легіонъ лагеремъ, сторожили подступъ съ моря, а сѣйчасъ нашъ рязанскій мужичокъ въ сѣро-зеленой пиджамѣ принимаетъ солнечныя ванны. Два рубежа — два міра, двѣ вершины, какъ на Ай-Петри — Римъ и СССР.

Но я не объ этомъ, а о русскомъ интеллигентѣ — о двухъ интеллигентахъ — доисторическомъ, дооктябрьскомъ и сегодняшнемъ, скороспѣломъ. Они тутъ оба подъ одной крышей, у одного стола, вмѣстѣ по звонку встаютъ, ѣдятъ, спятъ. Два міра, двѣ вершины отъ одного края — русской культуры, русскаго духа, души — дыханія. Здѣсь они не въ работѣ, не въ навыкахъ, не въ идеологическомъ подходѣ, а въ одной банкѣ склеены, какъ мухи стиснуты на чужомъ мѣстѣ, подъ барской великокняжеской крышей (чужой — имъ обоемъ)

для отдыха, для дыханія, для души. Здѣсь они оба на солнцѣ — два голыхъ русскихъ человѣка. Здѣсь имъ — стиснутымъ, склееннымъ — не о великомъ, не о вселенскомъ забота, а о себѣ, о своей душѣ, о вѣковѣчномъ — о Любви.

Вотъ здѣсь я узналъ:

черезъ мять, черезъ голодъ, вши,
разстрѣлы, войны, черезъ революцію,
минуя всѣ запреты, затворы, загражденія,
— русское сердце не притупилось,
— болѣетъ вѣковѣчной болью —
— Любви, какъ ни одно сердце въ мірѣ.

Вздоръ все о томъ, что умерли грезы и розы, кровь и любовь, что все это — по ту сторону Октября. Великая ложь. Никогда такъ больно, сладко, строго, глубоко — не носили въ себѣ русскіе люди радость и страданіе Любви, какъ сейчасъ. Самая это теперь большая, бередящая тема.

Раньше были у любви — перегородки, закуточки, парадныя и отхожія мѣста. Раньше такъ: честная, порядочная, приличная любовь — бракъ, семья, двухспальная кровать; неприличная, тайная, запретная любовь — ракитовый кустъ, адюльтеръ, публичный домъ. Для средняго, для маленькаго, для рядового человѣчка была у любви соотвѣтствующая формочка — съ флердоранжемъ (ангельская любовь), съ клубничкой (любовь - развлеченьице). Невинная дѣвушка и проститутка. Церковь и публичный домъ. Рядомъ, но за перегородкой. Ходилъ маленькій рядовой человѣкъ и туда и сюда по-желанію — зналъ: тамъ — благодать, здѣсь — скверна; выбиралъ любовь по сортамъ, не имъ расписаннымъ, взвѣшивалъ по вѣсамъ, не имъ установленнымъ, судилъ добротность

не своимъ судомъ. Если иногда ошибался дверью или озоровалъ — велъ дѣвку публичную подъ вѣнецъ, а невинную — въ домъ свиданій — тотчасъ же получалъ должное возмездіе и, вспоминая совѣсть, каялся. Могу любить, не вѣдая великаго, страшнаго, въ себѣ самомъ таящаго законъ, единого для всѣхъ дыханія любви.

Въ мятели, въ крови, въ потѣ Октября, сорвало, сломало, искрошило всѣ перегородочки. сбило послѣдній оплотъ мѣщанской нравственности — публичный домъ и церковь. Вышла въ мятельные просторы, въ стужу, въ разливъ неустроенной нашей, вспѣнной жизни — Любовь — голой, беззаконной, шалой, страшной въ своей извѣчной, самодержавной красѣ.

Какъ быть маленькому человѣчку (а много ли у насъ б о л ь ш и х ъ людей), простому, среднему русскому человѣчку съ сердцемъ, какъ устроиться со своею совѣстью, какъ возвести новыя перегородки, когда нѣтъ давно ему постылыхъ, но привычно знакомыхъ — церкви и публичнаго дома? Великая мука, непосильная тягота нести среднему человѣчку бремя любви, для которой кѣмъ-то сильнымъ не уготованы еще прямые, для всѣхъ видимые пути.

Это я о русскомъ интеллигентѣ хотѣлъ говорить, но сказалъ о всякомъ русскомъ, о всѣхъ русскихъ послѣ гоньбы, борьбы, устали, присѣвшихъ, наконецъ, передохнуть, оглянувшись во кругъ себя, — изъ міра вселенной укрывшихся въ свой міръ — душу.

И не о томъ, а уже просто о мужчинѣ и женщинѣ, которымъ предопредѣлено съ начала началъ — любить. Сейчасъ они во всемъ равны и свободны. Сейчасъ имъ двоимъ рѣшать, кроить, судить, строить общую жизнь. А навыки старые, а дѣти родят-

ся, какъ рождались. А кровать — одна, и мой, моя не только на языкѣ, но и въ сердцѣ, какъ въ дни, когда умыкали невѣсть. Какъ быть съ дозволеннымъ и запретнымъ, съ благодатью и скверной? Кто разсудить?

Раньше было нельзя, теперь можно. Какъ можно? Можно стало тяжелѣе — нельзя. Легче быть судимымъ, чѣмъ судить самого себя.

Здѣсь, въ Крыму, — люди на отдыхѣ, какъ на ладошкѣ, подъ солнцемъ — голые, какъ на духу. Вся Россія — въ своихъ лучшихъ представителяхъ, что ли: крестьянъ, рабочихъ, партійцевъ, интеллигентовъ. По дворцамъ отъ Ялты до Алупки, вдоль всего берега — голыми, лицомъ къ солнцу, морю, въ бездѣлии на единѣ со своею душой. Почти всѣ разными голосами — объ одномъ — “не ладно у насъ въ дому”. Надо бы перетрясти перины — клопный духъ все еще живъ. Мой, моя, — на шѣ.

Мѣщанство, собственничество, разбродъ.

Одинъ молодой партіецъ хорошо сказалъ:

— Растрепство у насъ въ любви пошло.

А рабочій-металлистъ угрюмо:

— Надо бы декретомъ... сами не удумаемъ.

Нашелся и такой: — красный герой, кремь, любо смотрѣть, — съ лютостью ударивъ по камню бронзовымъ кулачищемъ, отрѣзалъ:

— Запретить подъ страхомъ смерти совмѣстное жительство, — иначе всѣмъ завоеваніямъ революціи крышка.

И, можетъ быть, хоть съ перваго взгляда глупо, а онъ правъ. Каждому, — ему и ей — своя судьба, своя дорога, и только общая радость любви.

Не знаю. Не думаю. Знаю одно — какъ всѣ кругомъ — не ладно у насъ въ дому.

И еще: ѣздилъ намѣдни верхомъ съ композиторомъ Тесьминовымъ въ Симеизъ въ обсерваторію. Привѣзли туда изъ Англіи тяжеленные приборы... — все еще не собрали. Вѣтеръ съ ногъ валить. Живетъ человѣкъ съ женою на горѣ подъ вѣтромъ, считаетъ звѣзды. Звѣзды ему, какъ мнѣ — слова, — все въ нихъ. Любитъ жену. Жена говоритъ — больше не могу слушать вѣтеръ, уйду отъ тебя. Сидитъ человѣчекъ: смотритъ въ трубу, въ стужу, смотритъ въ небо, думаетъ каждую ночь — жена или звѣзды? или безъ жены, или безъ звѣздъ. Только это не примѣръ — это во всѣ вѣка, у всѣхъ народовъ.

Смотрѣлъ въ трубу на Сатурнъ. Ядрышко орѣха, а вокругъ колючки. Тесьминовъ спорить:

— Что вы — не меньше дѣтскаго мячика!

Астрономъ смѣется.

— Это, — говоритъ, — всегда такъ. Каждый видитъ по своему, одному кажется звѣзда больше, другому меньше, а труба-то одна, одной увеличительной силы.

Ты это замѣть — на все въ мірѣ посмотримъ мы разными глазами.

А ѣхали назадъ — увидали лошади осла. Испугались, понесли, сшибли меня и Тесьминова съ сѣделъ. Пострадали, выходить, мы оба отъ глупости.

Это уже опять про интеллигента русскаго и его судьбу.

Ну, вотъ тебѣ и всѣ мои крымскія впечатлѣнія. Прощай.

Сергѣй Пороша.

XXVII

Марія Васильевна Угрюмова — Николаю

Васильевичу Тесьминову

(Записка, положенная на столъ въ комнатѣ Тесьминова въ

8 ч. утра 7 іюня).

Хочу, чтобы зналъ. Но только молчи, не говори со мной объ этомъ. Вчера, возвращаясь съ купанья по верхней дорожкѣ мимо мужского пляжа, подъ кручей я увидѣла тебя. Ты стоялъ на высокомъ камнѣ, поднявъ руки кверху — впервые весь былъ передо мной. Мнѣ стыдно было остановиться — я прошла быстро, но запомнила все — вытянутое, напряженное, тонкое, юношеское тѣло, сухой коричневый торсъ, втянутый животъ, широкія плечи, залитыя солнцемъ, черное сердце волосъ на высокой груди, нѣжныя мальчишескія руки. И тогда я поняла тебя.

Прости меня за все. Ты не можешь быть другимъ, не долженъ. Кто еще смѣетъ въ сорокъ лѣтъ быть юношей? Ты язычникъ, ты фавнъ, случайно живущій среди людей, — у тебя душа ребенка, тебѣ доступно то, что мы давно утратили, и непонятно то, что мы считаемъ безусловной истиной. Не смѣйся. Подумай надъ этимъ и ты согласишься со мной. Вотъ почему ты такой жадный къ жизни, къ любви, къ новому.

Я пришла сейчасъ къ тебѣ и принесла цвѣтовъ. Ты спалъ — голый, простыня съѣхала. Я зажмурилась, бросила тебѣ на грудь цвѣты и поцѣловала твои ноги — ты пошевелился — я убѣжала. Теперь я принесла тебѣ эту записку — ты все еще спишь.

XXVIII

**Михаилъ Андреевичъ Угрюмовъ — женѣ Маріи
Васильевнѣ**

7 іюня.

ТЕЛЕГРАММА

Оплаченный отвѣтъ
10 словъ Ай-Тодоръ
Угрюмовой
Изъ Москвы

Знаю причины молчанія здоровы ли маль-
чики — требую случаѣ неблагополучія
привоза бѣдняжекъ Родная немедленно
Москву надо ихъ беречь телеграфируй

М и х а и л ъ.

XXIX

Петръ Ивановичъ Ольгинъ — сестрѣ Надеждѣ

Ивановнѣ Ольгиной въ “Кириле”

Кіевъ, 8 іюня.

Дина, моя дорогая, — ученый человѣкъ, а дѣвченка, зато и люблю. Ты на меня напрасно взѣлась, правда, отвѣчаю только на третье письмо, но вовсе не потому, что тебя забылъ. Здѣсь въ одиночествѣ моемъ такого человѣка, какъ ты, мнѣ очень нехватаетъ.

Свободенъ я бываю только поздними вечерами — тогда иду на Днѣпръ и думаю обо всѣхъ васъ. Вы у меня всѣ хорошіе, но ты дороже всѣхъ. Мама добрая, немного испуганная женщина, Младшія сестры — честные ребята, только малость суховаты — будущіе “спецы”, а ты — сама знаешь какая — ты горишь къ работѣ, поэтому мнѣ близка. И смѣешься ты вовсе не съ “захлебомъ”, а, какъ дѣтишки, икая, отъ всего сердца — зубы блестятъ во всю пасть, носъ кверху, глаза задористые. Иначе тебя и не представляю.

Кіевъ въ майскую пору, чудо, какъ хорошъ. Ночами я люблюсь имъ — не хуже вашего Крыма, а многое милѣе. Но надъ Днѣпромъ цѣлые соловьиные хоры, сирень, огни на Подолѣ, пѣсни съ лодокъ. Здѣсь я встрѣтился съ Анной — съ тѣхъ

дней городъ этотъ мнѣ навсегда родной. Какъ я обрадовался, когда узналъ о назначеніи своемъ именно сюда. До сихъ поръ я не могу понять, не могу разъяснить себѣ, почему Анна отказалась ѣхать.

Вотъ и написалось само собою — то, чѣмъ живу все это время. Даже тебѣ не хотѣлъ говорить этого, пока не рѣшу все самъ. Но ты отгадчица — начала первая, и хорошо сдѣлала. Да, — я и Аннѣ не показалъ виду, какъ мнѣ безмѣрно тяжело было уѣзжать одному. Ты знаешь, она всегда ровна, спокойна, въ ея лицѣ не прочтешь даже досады. Если она говоритъ, что любить меня — значитъ, это такъ, лишнихъ словъ она не признаетъ, объясненій не терпитъ — я тоже, какъ ты знаешь, стыдливъ на чувство или самолюбивъ — еще съ дѣтства. Я пришелъ сообщить ей радостную вѣсть — назначенъ въ Кіевъ, — хотѣлъ сказать “нашъ Кіевъ” — не посмѣлъ. Она посмотрѣла на меня своими ясными, широко открытыми, прекрасными глазами и отвѣтила: “поѣзжай”.

— Ты развѣ не поѣдешь со мной?

Я опять хотѣлъ сказать — туда, гдѣ мы полюбили другъ друга, къ тебѣ на родину. (Девятнадцатый годъ, бѣшенная работа, первое Мая — сотни дѣтишекъ вокругъ насъ, а вечеромъ усталые, охрипшіе, пыльные у Солодовниковскаго театра послѣ концерта-митинга, остановились, протянули другъ другу руки и сразу, оба поняли — свои, родные, любимъ). Навѣрно, и она вспомнила это — знаю, что вспомнила, но отвѣтила все такъ же спокойно.

— У меня здѣсь работа, я ее не брошу.

— Можно попросить о переводѣ.

— Нѣтъ.

Другой на моемъ мѣстѣ сталъ бы объяснять-

ся, доказывать, приводить доводы — я смолчалъ, и хорошо сдѣлалъ. Ея рѣшеніе всегда твердо. А вотъ — пріѣхалъ сюда, и не нахожу покоя. Анна пишетъ мнѣ часто, письма ея ласковы, обстоятельны, бодры. Я знаю, что она меня любитъ, и все-таки не могу объяснить ея упрямства. Съ ней считаются и всегда пошли бы ей навстрѣчу, если бы она просила объ откомандированіи. Здѣсь дѣла не меньше, чѣмъ въ Москвѣ — всюду она сумѣла бы развернуть себя въ полную мѣру. Привычка? Излишняя щепетильность? Нежеланіе во имя личнаго жертвовать дѣломъ? Психологія часового на посту? Боязнь сдаться, ослабѣть, потерять власть надъ своими чувствами?

Конечно, только что-нибудь честное, что-нибудь по настоящему человѣческое руководить ею. Но она никогда не скажетъ, не станетъ оправдываться — она вѣритъ мнѣ и требуетъ къ себѣ безусловной вѣры. Мнѣ стыдно — но, сознаюсь тебѣ, — меня это мучаетъ, я хотѣлъ бы большей искренности. Мнѣ было бы, пожалуй, легче, если бы узналъ о какой-нибудь ея слабости, но отъ нея самой, если бы она мнѣ въ чемъ-нибудь призналась. Съ какой радостью я бы стерпѣлъ отъ нея все, лишь бы на минуту заглянуть въ ея душу, лишь бы у меня съ нею былъ — нашъ комодъ.

У меня большой соблазнъ бросить все и вернуться въ Москву. Пожалуй, если поднажать, меня отпустили бы. Но я этого не сдѣлаю. Во всякомъ случаѣ не сейчасъ, не потому — что долгъ для меня прежде всего (я не могу сказать этого съ прежней увѣренностью), а потому, что не посмѣлъ бы признаться въ этомъ Аннѣ. Сказалъ только тебѣ и никому больше.

За тебя радуюсь: и что смѣешься, и что въ горѣлки играешь, и что не щадя живота въ тенисъ

сражаешься (только лучше не до безчувствія), и что не ведешь разговоровъ "объ умномъ", и даже что "надурила", какъ ты пишешь, съ Тесьминовымъ. Легкость духа, дѣтскость — самый большой покой. Немудрено, что Тесьминовъ выглядитъ моложе своихъ лѣтъ, если основная черта его характера — дѣтскость, переменчивость настроенія, забывчивость. Всегда быть такимъ — не рекомендуется, но изрѣдка — весьма полезно. Иной разъ мучительно пытаешься забыть — и не можешь. А что такое время, годы — какъ не рядъ событій, думъ отмѣченныхъ, запечатлѣнныхъ памятью. Чѣмъ ихъ больше — тѣмъ больше сѣдыхъ волосъ.

Ты замѣтила, что самые молодежавые люди — актеры: они помнятъ только свои сценическіе успѣхи. Эта мысль не совсѣмъ серьезна для такого черствого службиста, какъ я, но съ тобою можно же быть "дуралѣемъ несусвѣтнымъ". Пускай же не удивляетъ тебя моя снисходительность къ твоей "дурости". Прежде всего, я знаю тебя хорошо, и не боюсь. Здравый смыслъ спасетъ тебя отъ ошибокъ. Во-вторыхъ, только по сравненію съ другими можешь оцѣнить человѣка и сказать послѣднее слово — накрѣпко.

Мы съ тобой однолобы, да, можетъ быть, и нѣтъ иныхъ людей, а ёсть только или незнающіе любви, или говорящіе наобумъ это послѣднее слово, а потому всегда не по адресу. Ко вторымъ, по всей вѣроятности и принадлежитъ Тесьминовъ, а къ первымъ Вася. Я стою крѣпко на своемъ — у Васи не любовь къ тебѣ, а разсудочная, честная привязанность, глубокое уваженіе, дружба, — все, что хочешь, — только не любовь. Такъ чувствую, инстинктивно угадываю его отношеніе къ моей Динѣ. И вовсе это не братская ревность. Я даже вижу ходъ его мыслей — Дина выросла на моихъ

глазахъ, духовно развилась бокъ-о-бокъ со мною, подъ моимъ вліяніемъ, вкусы ея мнѣ извѣстны, характеръ ея закаленъ годами войны и революціи, она неприхотлива, бодра, правдива, работающа, одной со мною профессіи, физически соотвѣтствуетъ мнѣ — было бы глупо отказаться отъ нея, какъ отъ жены. Ты скажешь, что всего этого вполне достаточно для прочнаго счастья. Пожалуй — но это все-таки не любовь. Любовь всегда не смотря ни на что, а не ради чего-нибудь. Что лучше въ совмѣстной жизни — расчетъ или любовь — сказать не берусь. А потому никогда не отговаривалъ тебя отъ твоего желанія стать его женой. Тебѣ съ Васей надежно и спокойно.

Я помню выраженіе твоего лица, когда ты говоришь о немъ: “мой человѣчекъ”. Но что же мѣшаетъ тебѣ сказать послѣднее слово? Не обманывай только себя, говоря, что виною тому внѣшнія, внѣ насъ лежащія, причины. Ну, а разъ это послѣднее слово не сказано — почему же еще подѣтски не скалить зубы, “не дурить”. Дури, Динуся, во всю и даже немножко вѣрь Тесьминову. Судя по всему, онъ — искренній малый. Слѣдуетъ быть только осторожнѣй къ его послѣднему слову, а если повѣришь, — то, значить, такъ накрѣпко и навсегда. Несчастіе? Какъ знать! Иное несчастіе слаще счастья. Я это хорошо знаю. А рассчитывать не въ нашемъ съ тобою характерѣ, несмотря на то, что въ работѣ своей мы, можетъ быть, даже излишне точны.

Продолжаю письмо вторую ночь. Исписалъ ворохъ бумаги, а все еще не сказалъ всего. Перечиталъ внимательно твои три письма, стараюсь представить себѣ духовный обликъ Тесьминова. Это очень трудно, не видя человѣка. Анна была на двухъ его концертахъ этой зимою — она гово-

рить, что у него блестящая техника, а въ композиціяхъ онъ не ровень, но очень яркъ, восторженъ. Я ни черта въ этомъ не смыслю, но Аннѣ вѣрю. Тесьминовъ, выходитъ, талантливый человекъ, а разъ такъ — то объясняется его неряшливость въ отношеніи къ себѣ и людямъ. Русскіе талантливые люди, въ большинствѣ, — всѣ таковы. У нихъ всегда отсутствовала дисциплина. Только революція указала имъ новые пути, подчинила долгу.

То, что онъ разсказалъ тебѣ о себѣ — нелѣпо и путано до крайности, но лишь съ перваго взгляда. Самая исповѣдь его передъ дѣвушкой, которую онъ едва знаетъ — въ нашихъ съ тобою глазахъ, — въ глазахъ “скрытниковъ” — кажется странной, но я увѣренъ, что это не игра, не рисовка, а все та же аффектація, восторженность, что и въ его музыкѣ. Нѣтъ сдерживающихъ центровъ, чувства идутъ впереди разума.

Я понимаю твою неловкость и растерянность при этомъ. Конечно, онъ вѣритъ въ свою любовь къ тебѣ, здѣсь нѣтъ и доли сознательнаго обмана. Но по настоящему ли это для него послѣднее слово? Онъ и самъ никогда не узнаетъ.

Уйти отъ любимой, какъ сдѣлалъ онъ, отъ женщины, отъ которой ребенокъ, пять лѣтъ совместной жизни — только потому, что показалось, что она къ нему охладѣла, что пути ихъ расходятся, и тутъ же кинуться въ объятія другой тоже изъ-за кажущейся возможности успокоенія, съ тѣмъ, чтобы черезъ мѣсяцъ понять свою ошибку и остановиться на перепутьи, — все это для меня непонятно, чуждо мнѣ, а потому даже не подлежитъ моему суду. Если ты въ этомъ не разобралась — слышавшая его, видѣвшая выраженіе его лица, во многомъ разгадавшая его, то гдѣ же

разобраться мнѣ? Ты знаешь осторожность, съ какой я подхожу къ людямъ — мнѣніе о нихъ у меня складывается не вдругъ, но, будучи оформлено — никогда не измѣняется. Мое самолюбіе боится ошибокъ.

Знаю одно — для тебя Тесьминовъ не страшенъ. Ты сильнѣе его. Если полюбишь — то подчинишь себѣ къ его счастью, если нѣтъ — онъ быстро утѣшится, а ты найдешь большую увѣренность въ разумности твоего чувства къ Васѣ. Совѣтовъ тебѣ моихъ не нужно. Мы оба съ тобой хорошо знаемъ, какъ они вообще безсильны. Поэтому-то и любимъ мы такъ свой “комодъ” — онъ все выслушиваетъ, все понимаетъ, но ничего не совѣтуетъ.

Твой Петунька.

XXX

Михаилъ Андреевичъ Угрюмовъ — женѣ

въ Ай-Джинъ

Москва, 8 іюня.

Милая Маня, 23-го числа ты уѣхала изъ Москвы послѣ двухъ свѣтлыхъ дней свиданья и тогда казалось мнѣ, что ты моя — моя любимая. Ты знала, какъ мнѣ тяжело, какую жертву я принесъ тебѣ, согласившись на твой отъѣздъ въ Крымъ, эта жертва могла быть окуплена, если не любовью, то хоть участіемъ ко мнѣ.

Знала, какъ я беспокоюсь за тебя, за себя, за мальчиковъ. Взамѣнъ этого — три недѣли молчанія. Кромѣ двухъ открытокъ съ пути, одной изъ Крыма по пріѣздѣ и двухъ телеграммъ.

Вчера вдругъ получилъ письмо отъ Николая Васильевича. Странное. Души живой въ немъ не чувствую. Почему ѣдешь ты въ Хараксы? Что собираешься тамъ дѣлать? Зачѣмъ опять эта совмѣстная поѣздка, эта непостижимая близость, эта “дружба”, которой страшна разлука? Если онъ, запутавшійся и запутавшій другихъ, человѣкъ безъ скелета, безъ стержня, рѣшилъ бродяжничать, находя въ этомъ успокоеніе своимъ потрепаннымъ собственной глупостью нервамъ, то зачѣмъ понадобилось тебѣ слѣдовать, подобно тѣни, по его пятамъ?

Я даже допускаю съ твоей стороны не только дружбу, но преданную любовь къ этому человѣку, столь чуждому мнѣ, но нельзя же изъ-за этого чувства забывать о дѣтяхъ. Ты измучила меня, я усталъ. какъ никогда, отъ думъ, отъ противорѣчивыхъ чувствъ, отъ головоломокъ, которыя ты мнѣ задаешь. Не могу, не смѣю заподозрить тебя въ сознательномъ обманѣ, но какъ же сочетать твои увѣренія въ любви ко мнѣ и твое явное, почти безразсудное тяготѣніе къ Тесьминову? Право, иной разъ мнѣ кажется, что онъ обладаетъ какой-то волшебной флейтой, которая влечетъ тебя въ пучину. Но, быть можетъ, въ этомъ твое счастье — я не могу, не смѣю препятствовать тебѣ насладиться имъ въ полной мѣрѣ. Дай же и мнѣ, хотя бы горькій покой — скажи рѣшительное слово, какъ бы оно ни было жестоко.

Два года стою я у порога твоей души, стучусь и не получаю отвѣта. Кромѣ отдѣльныхъ, мимолетныхъ вспышекъ — ничего не имѣю. Богатства свои ты отдаешь просто людямъ, или другому человѣку (не о страсти говорю я, а о женскомъ вниманіи, участіи). Для меня не остается ничего, даже письма, даже вѣсточки о дѣтяхъ. У меня нѣтъ больше силъ. Нужно найти какую-то новую фазу въ нашихъ отношеніяхъ. Какъ? Не знаю. Иногда думаю, что правильно было бы простое сожителство людей, связанныхъ во многомъ другъ съ другомъ, прежде всего связанныхъ дѣтьми. Но морально мы должны развязать другъ друга. Ты вотъ уже два года куда-то устремляешься отъ меня, а я усиленно за тебя цѣпляюсь.

Жизнь наказываетъ. Ни въ чемъ я уцѣпиться въ тебѣ не могу, даже вся моя огромная напряженность этой зимы, весны — ничего не могла подѣлать. Спрашиваю себя — не страсть ли, не физи-

ческое ли влеченіе, одно только насъ связываетъ? Ну, да не стоитъ объ этомъ.

И все-таки 23-го мая записано у меня въ памяти золотыми буквами, — ты была въ этотъ день моей возлюбленной, моимъ другомъ — женой. Но Богъ съ тобой — я же понимаю всю сумятицу твоей души.

М и х а и л ь.

XXXI

**Рабфаковецъ Дмитрій Романовичъ Устрявцевъ —
женѣ Раисѣ Григорьевнѣ Геймеръ въ “Кириле”**

Москва, 8 июня.

Я, Рая, получилъ твое письмо отъ 26 мая и вотъ, что хочу тебѣ сказать. Ты только не подумай, что я хочу прощать или потому, что во мнѣ жалость говорить. Это неправда. Ты должна знать. Нарочно долго не отвѣчалъ, все какъ слѣдуетъ и окончательно обдумалъ.

Я знаю, ты очень гордая, а все-таки, если захочешь, то всегда меня понимала. И мы были съ тобой не только мужъ и жена, а настоящіе товарищи. Я, ты помнишь, такъ тебѣ и сказалъ, когда просилъ быть моей женой, что мнѣ нужно много еще, чтобы стать съ тобой вровень, но я этого добьюсь. И ты видишь, я шелъ безъ остановки все впередъ, хотя было очень трудно въ мои годы и при работѣ. И ты сама мнѣ помогала и говорила, что я сталъ совсѣмъ другой.

Но все это не при чемъ, а ты должна знать, что я съ тобой всегда на чистоту, прямо и никогда не обманывалъ. И ты меня тоже никогда не обманывала. Я это цѣню. И ты вспомни, что я отвѣчалъ тебѣ, когда ты говорила, что я могу подумать, буд-то ты пошла ко мнѣ за тѣмъ, что я комиссарствовалъ и могъ тебя прокормить въ голодные годы.

Я всегда отвѣчалъ твердо, какъ вѣрилъ, что ты меня любишь и я это знаю. А ты мнѣ возражала, что не только меня любишь, а такъ же наше дѣло полюбила. И мы жили, какъ настоящіе товарищи, хотя ты интеллигентка и художница, а я учень на мѣдный грошъ, простой мужикъ, шахтеръ.

Революція меня всего перевернула, тогда нужно было дѣлать всякое дѣло — но я зналъ, что мнѣ нужно учиться и ты мнѣ помогла своей любовью и такъ и вела съ этимъ черезъ всѣ боевые годы. Этого никогда нельзя забыть. Это очень большое, этого не вырвешь никакъ. И ты не говори, что я теперь, когда все знаю, тебя разлюблю. Это неправда, и ты сама этому не вѣришь, а говоришь отъ гордости, какъ тогда насчетъ моего комиссарства.

Только, если ты его еще любишь, тогда уже ничего я сдѣлать не могу, а ты пишешь, что нѣтъ, значить и ничего нѣтъ. Вотъ, когда я полюбилъ тебя — у меня все изъ сердца ушло отъ прежняго, я не могъ вернуться къ своей первой женѣ. Она мнѣ даже письма писала изъ деревни, а мнѣ ихъ скучно было читать, какъ будто не ко мнѣ. Она мнѣ совсѣмъ стала чужимъ человѣкомъ. Тутъ уже не поможешь. Она тогда собралась ко мнѣ, я тебѣ этого не рассказывалъ, чтобы не тревожить. Плакала, въ ноги падала, и зналъ, что жалко, а не жалѣлъ. Другая передо мною лежала жизнь. Назадъ не своротишь.

Такъ вотъ и я, когда ты собралась отъ меня — сказалъ себѣ — молчи. Не проси. Значить нужно. Ничего не вымолишь. Все сама скажетъ, что тогда не сказала — могла себя обмануть. Это я тоже знаю. А тебѣ нуженъ отдыхъ. Я же помню — отчего ты посѣдѣла. Ты не любишь, когда я это говорю. Только мнѣ все равно не забыть, хотя знаю, что иначе нельзя.

Такъ нужно было. Хоть онъ тебѣ родной — все равно для меня долгъ былъ какъ съ врагомъ. А все-таки черезъ свою боль меня поняла и любила. Не простила, а поняла. Вотъ и я тоже тебѣ говорю — я понимаю и прошу тебя мнѣ вѣрить.

Просто вернешься послѣ отдыха къ себѣ домой и не станемъ говорить ни о чемъ.

У насъ тутъ дожди, а у васъ, поди, солнце. Черной станешь, не узнаю. Сижу — долблю во всю, “вгрызусь въ гранитъ науки” — не оторвешь. Приѣдешь — всѣмъ тебѣ похвастаюсь.

Тутъ ко мнѣ одинъ парнишка приходилъ—изъ Юзовки онъ, — тоже думаетъ поступать на раб-факъ. Вмѣстѣ забойщиками были. Смотрѣлъ твои картины. Очень мнѣ завидовалъ, что вотъ у меня такая жена — настоящій спецъ, спрашивалъ откуда взялъ. Я ему, прости, отвѣтилъ, что прямо изъ огня и что ты совсѣмъ наша, а скоро насъ будетъ трое. Потому, что рѣшеніе твое правильное, иначе и не можетъ быть. Только ты берегись, по горамъ не нужно очень лазать.

Прости, что такъ все несуразно написалъ — очень замаялся сегодня на службѣ. Я знаю ты и такъ поймешь.

Будь здорова, пиши.

Твой Дмитрій.

XXXII

**Е. П. Вальященко — завѣдывающему виннымъ
складомъ**

9 іюня.

Вы страшный нахаль и больше ничего. Я васъ презираю. Вотъ и все. Вы думаете, что если я позволила вамъ, то это даетъ право говорить со мной при всѣхъ на ты и фамиллярничать? Ничего подобнаго! Вы поставили меня въ глупое положеніе передъ Сандовскимъ, который совершенно другое, чѣмъ вы. Можете позволять себѣ съ Сонечкой что угодно, но это не важно, — должна вамъ сказать, что боюсь "кое-чего". Во всякомъ случаѣ это еще не навѣрное, но все-таки имѣйте въ виду! Я вовсе не намѣрена расплачиваться за ваши ошибки!..

Завтра уѣзжаю въ Москву и если это случится — телеграфирую вамъ. Не будьте трусомъ! У Сонечки есть мужъ, который является юридическимъ лицомъ, а я одна!

Хотя, конечно, пустяки — у меня найдутся свидѣтели — Печеныхъ, напимѣръ. Такихъ, какъ вы учить надо!

Цѣлую тебя, какъ прошлый разъ... нравится?

Твоя Жеже.

XXXIII

Марія Васильевна Угрюмова — мужу въ Москву

Совхозъ "Ай-Джинъ", 9 іюня.

Это ужъ, наконецъ, издѣвательство которому совершенно нѣтъ оправданія! Или я жена тебѣ, прожившая вѣрой и правдой съ тобой цѣлыхъ двадцать лѣтъ и которой ты обязанъ вѣрить, ибо ни разу не нарушила я этой вѣры, или сказать: пошла вонъ, сволочь!

Твоя телеграмма даетъ мнѣ основаніе думать, что ты придержишься послѣдняго мнѣнія. Забыты всѣ твои слова, забыты всѣ твои "фразы" и я въ полномъ недоумѣніи — что же мнѣ дѣлать дальше. Повѣрь, силъ нѣтъ больше тянуть эту истерику, лучше въ омутъ головой. Вѣдь, я только что въ свой послѣдній пріѣздъ въ Москву всю душу свою отдала тебѣ на судъ и ни одной скрытой мысли не было у меня отъ тебя. Ты зналъ мое твердое рѣшеніе и въ телеграммѣ одной я пишу "твоя всецѣло", въ другой "жду тебя страстно". Боже мой, Боже мой. Нѣтъ силъ больше снести еще это оскорбленіе, а вѣдь я сумѣла найти покой своей души вотъ только что, и все на смарку.

Если ты немедленно не пріѣдешь сюда (жду около 15-го), я больше не вернусь въ этотъ сумасшедшій домъ, обреку себя на нищенство, но хочу

быть здоровой, — потрудись лишь давать мнѣ на мальчиковъ, ибо я ихъ не отдамъ тебѣ. Чувствую, что скорѣй, чѣмъ ты, сумѣю изъ нихъ воспитать здоровыхъ мужчинъ. Уйду одна ни къ кому — мнѣ не къ кому итти, ни къ кому я не хочу итти, — но, помни — семью разбилъ ты, совместно съ твоимъ обожаемымъ племянникомъ Ефремовымъ. Шлю ему самое горячее и страстное проклятіе, радуюсь его несчастью, потому что онъ подлець. Прошу передать ему это.

Дорогой цѣной купила я эти никому ненужныя муки зимой, мои колбанія и сомнѣнія, мой такой ничтожный мятежъ, порывъ такой естественный въ жизни каждой женщины на закатѣ своей молодости.

Вѣдь я же телеграфировала тебѣ “писать пока не могу” и если бы была въ тебѣ вѣра въ меня, ты ждалъ бы спокойно — значитъ не могу писать, нѣтъ сейчасъ силъ для того, чтобы говорить обо всемъ спокойно. А ты считаешь меня способной на такую наглую ложь — не прощу никогда тебѣ этого! Иди отъ такой дряни, бѣги какъ можно скорѣй, какъ можно дальше.

Выводъ ясенъ: честность, прямота, искренность приносятъ лишь вредъ. Обманъ и ложь охраняютъ покой очага. Какъ больно приходится къ такому выводу.

XXXIV

Михаилъ Андреевичъ Угрюмовъ — Раисѣ

Григорьевнѣ Геймеръ въ “Кириле”

Москва, 10 іюня.

Раиса Григорьевна, я ждалъ всего, что угодно, только не такого письма. Я во многомъ и тяжело виноватъ передъ вами, но никогда мною не руководили злоба или злорадство.

Вы помните, конечно, въ какомъ состояніи полного отчаянія находился я, когда пришелъ къ вамъ. Вы знаете, какъ мучительно переживалъ отчужденіе жсны, ея душевныя метанія, ея разладъ съ самой собою. Мнѣ нечего было скрывать. За пятнадцать лѣтъ супружескй жизни я ничего не зналъ, кромѣ работы и уединенія.

Мнѣ казалось, что жена моя все еще та шестнадцатилѣтняя дѣвочка, какой она вышла за меня замужъ. Тогда мы оба увлекались партійной работой, въ дѣлахъ чувства были глупы и наивны. Послѣ того — годы ссылки, эмиграція замкнули меня въ раковину и по слѣпотѣ своей не замѣчалъ того, что изъ дѣвочки жена моя превратилась въ женщину. Я понялъ это слишкомъ поздно. Передо мною стоялъ совсѣмъ чужой человекъ — у него было все чужое — вкусы, привычки, навыки, привязанности, знакомства. Ей было тридцать три года, она выросла на моихъ глазахъ, но

безъ моего участія, и когда я однажды заговорилъ съ нею, какъ влюбленный, какъ мужъ (поотмъ что я опять любилъ ее съ новой силой), она только удивилась, какъ если-бы съ ней заговорилъ посторонній, незнакомый ей человѣкъ. Но она женщина необычайной честности, золотого сердца — она пошла мнѣ навстрѣчу, она попыталась что-то наладить, ежеминутно чувствовала, что она должна, но ничего не могла. Будь это пять лѣтъ назадъ, я былъ бы вполне удовлетворенъ, но теперь въ сорокъ два года, я, какъ мальчишка, схватился за жизнь.

Вы это знаете — до двадцати пяти я съ головой, изступленно жилъ политикой, партіей и когда женился — приобрѣталъ лишь новаго товарища, до тридцати двухъ въ эмиграціи, я занимался переоцѣнкой цѣнностей и наукой, потомъ общественная и государственная служба и только въ сорокъ два года я понялъ ясно — что никогда не жилъ для себя.

Такимъ вы меня узнали. Вы укоряете меня въ сантиментальности. Можетъ быть, вы правы. Романтика, экзальтація въ сорокъ лѣтъ у такого человѣка, какъ я — достаточно потрепаннаго, угрюмаго отшельника, кажутся смѣшными. Я самъ сознаю это и ничего съ собою не подѣлаю — всѣ эти чувства и слова не были испытаны не были сказаны въ свое время, въ юности, а каждый человѣкъ долженъ ихъ испытать, высказать хоть разъ въ жизни.

Вы умная женщина, къ тому же вы и тонкій проницательный человѣкъ. Вы хорошо меня поняли — съ перваго же дня Вы умѣли меня слушать, ничему не удивляясь. Когда я заговорилъ о своей любви къ вамъ, — Вы спокойно, ясно, логически просто доказали мнѣ, что этого нѣтъ, что я

себя обманываю, что я люблю жену и долженъ остаться съ ней. И такъ же спокойно, такъ же просто приняли мое чувство, ни въ чемъ себя не обманывая. Не станете же Вы утверждать, что меня не любили. Можетъ быть это была страсть, но у такихъ людей, какъ мы, она не могла быть огорченной. Я одинаково любилъ Васъ и жену.

Вы улыбались, когда я говорилъ это. Тогда я просилъ развязать узелъ — помочь мнѣ уйти съ вами. Вы тоже улыбались. Я помню, что Вы сказали:

— Я для тебя средство забыть свою вину передъ женою. Когда изъ средства я превращусь въ цѣль — тебя потянетъ снова къ женѣ и тогда она станетъ средствомъ забыть твою вину передо мной. Не нужно этого. Переболѣй. Обо мнѣ не думай.

Вы, какъ всегда, оказались правы. Чѣмъ дальше отъ меня уходитъ жена, тѣмъ я ее больше люблю. Но, можетъ быть, это-то и есть моя болѣзнь, отъ которой Вы не захотѣли меня вылѣчить. Вѣдь, съ Вами-то, въ нашемъ-то чувствѣ не было трещины. Ни съ чѣмъ никогда я не былъ такъ духовно связанъ, какъ съ Вами. Никто такъ меня не знаетъ, какъ Вы. Ни съ кѣмъ я такъ не говорилъ — когда чувствуешь, что каждое слово доходитъ. И развѣ Вамъ самой не было легко со мной. Въ чемъ же дѣло? Отчего мы съ Вами разстались, и я примирился съ этой разлукой, а разладъ съ женой все еще для меня мучителенъ.

Вы уѣхали внезапно, не предупредивъ. Уѣхали въ Гаспру, туда, гдѣ моя жена. Случайно-ли? Написали мнѣ жестокое письмо — не потому ли, что все еще меня любите? Оставьте нашего ребенка. — Не затѣмъ ли, что это-то и есть самая крѣпкая связь?

Ничего не знаю, ничего не понимаю. Думаю, что Вы знаете и понимаете все — Вы мудрая, какъ каждая женщина, въ которой живъ человѣкъ.
Отвѣтите мнѣ.

Михаилъ.

XXXV

Антонъ Герасимовичъ Печеныхъ — женѣ
въ Харьковъ

“Кириле”, 11 іюня.

Здравствуй, кокосикъ мой вкусенькій, до чего же я по родинкѣ своей соскучился! Мнѣ тутъ на пляжѣ приходится многихъ видѣть — ни у кого нѣтъ такого сложенія, какъ у тебя, и вообще женщинѣ загаръ ни къ чему, — душеночекъ мой бѣлюлюсенькій! Я и самъ обыкновенно хожу на пляжѣ не голый, а въ исподней рубашкѣ, и на головѣ изъ полотенца тюрбанъ—такъ много приличнѣй при здѣшней нескромности нравовъ.

Вообрази себѣ, изъ дома отдыха металлистовъ, что во дворцѣ великаго князя Николая Михайловича, публика ходитъ въ однихъ трусикахъ круглый день — весь паркъ загадили своимъ безобразнымъ видомъ. Вообще можно наблюдать картинки!

Я уже писалъ тебѣ о нашихъ дѣлахъ: такъ они совершенно перепутались. Вчера уѣхала первая партія — въ ней писатель Пороша и Ольгина-докторша. Подали автомобиль къ девяти утра. Ко-

нечно, всё вышли провожать. И вотъ вижу — бѣ-
жить изъ Ай-Джина Тесьминовъ съ огромнымъ бу-
кетомъ розъ — прямо во дворецъ, въ комнату,
гдѣ помѣщалась Ольгина, а выходитъ оттуда че-
резъ четверть часа не меньше — физиономія на сто-
рону, губы трясутся — ей Богу, а у нея изъ подъ
шляпки волосы, глаза по сторонамъ, носъ крас-
ный, въ рукахъ букетъ. Торопятся къ автомобилю
и прямо имъ навстрѣчу Марія Васильевна. Красо-
та! Ну — думаю, сейчасъ катастрофа... Однако
обошлось благополучно. Угрюмову точно въ ко-
сякъ вдавило. Я бы на ея мѣстѣ въ морду ему, а
она чуть сама не удрала. Дура!

Забралась Ольгина въ автомобиль рядомъ съ
агрономшей; Думко, зарылась лицомъ въ букетъ,
будто нюхаетъ, однако вижу — глазами въ Тесь-
минова. Онъ самъ чуть ли не подъ колеса. Сто-
итъ, молчитъ, какъ пень. А въ сторонѣ Марья
Васильевна съ художницей Геймеръ — обѣ смѣ-
ются. Только меня не надуешь — какой тамъ у
Марьи Васильевны смѣхъ! Подхожу нарочно къ
ней и очень вѣжливо замѣчаю:

— Не правда ли, сударыня, печально видѣть
отъѣздъ людей, съ которыми такъ пріятно про-
велъ время? Николай Васильевичъ даже, мнѣ ка-
жется, совсѣмъ разстроенъ...

Вижу у нея глаза, какъ у кошки, круглые —
такъ и вцѣпится сейчасъ въ меня.

— Разставаться всегда грустно, — отвѣчаетъ.
Я же точно ничего не было:

— Конечно, особенно, если цѣлыми днями вмѣ-
стѣ влюбленными голубками проводили.

Чувствую все въ ней кипитъ, точно на сково-
родкѣ поджаривается. Шарахнулась отъ меня,
подъ руку Геймеръ и въ паркъ. Не нравится, стер-
въ. А мужу измѣнять нравится? А женатаго че-

ловѣка отъ жены отваживать пріятно?

Еще съ ними одна совѣтская служащая Вальященко Евгенія Петровна уѣхала. Тоже штучка крученная. Я съ ней было знакомство завелъ по хорошему — вижу барышня скучаетъ, — а потомъ раскусилъ — такой перецъ! Похабные анекдоты, какъ матросъ шпарить. И только бы деньги — все, что угодно! Навязывалась ко мнѣ, да я живо отшилъ.

Но, представъ себѣ — совершенно для меня неожиданно, новая интрижка обнаружилась. Только завели моторъ, какъ вижу — агрономша Думко, которая раньше разговаривала въ сторонѣ съ докторомъ Ждановымъ — вдругъ ему при всѣхъ — Пиши, — кричить: — обязательно, какъ пріѣдешь, насчетъ комнаты!

Тутъ не только я — всѣ такъ и разинули рты. Въ чемъ дѣло? когда же это успѣли снюхаться? Кажется, отъ меня ничего не ускользнетъ — и то проворонилъ.

А они смѣются во весь ротъ самымъ наглымъ образомъ, по сторонамъ оглядываются — вотъ, молъ, намъ на васъ наплевать. И Ольгина съ ними заодно.

— Ну, Натаха, садись скорѣе, довольно демонстрацій! — кричить: — будетъ! хорошенькаго понемножку!

А Ждановъ ей со смѣхомъ:

— Намъ бояться нечего — у насъ рѣшено и подписано! Правда? Позвольте вамъ, граждане, представить — моя жена!

Чортъ его знаетъ, — что за комедія. Смотрю Тесьминовъ схватилъ за руки Ольгину и что-то шепчетъ — лица на немъ нѣтъ отъ волненія, а потомъ, какъ прижмется къ рукѣ губами. Вотъ сейчасъ тоже что-нибудь выкинетъ. Только не ус-

пѣлъ, — повернулъ шоферъ руль — поѣхали.

Одно слово — сенсационная фильма. Разговору послѣ-то было! Всѣ къ Жданову — какъ, когда? А онъ только смѣется.

— Мы, — говорить: — порѣшили это въ послѣдніе дни. Я и самъ раньше не думалъ... Поздравлять послѣ станете.

Какъ это тебѣ нравится? И даже не расписывались! Вотъ тебѣ коммунистическое общество!

Чортъ съ ними со всѣми!

Желудкомъ что-то послѣднее время страдаю — отъ пищи. Дали намъ осетрину подъ соусомъ пиканъ на обѣдъ. Перетравили пятерыхъ — и меня въ томъ числѣ. За докторами изъ Ялты завѣдующій ѣздилъ — струхнулъ порядкомъ. У него въ головѣ одинъ развратъ — по утрамъ самъ на себя не похожъ. Но если бы ты Тесьминова видѣла послѣ отъѣзда Ольгиной. Пришелъ онъ поздно вечеромъ въ общую залу — покрутился вокругъ себя, какъ собака, потерявшая хозяина, и, слова не сказавши, назадъ.

Я къ нему.

— Запустѣніе, — говорю: — тоска... скоро намъ съ вами ѣхать. Точно бы мѣсяца не было...

Онъ на меня вылупился — ничего не понимаетъ.

— Въ Москву отправитесь? — спрашиваю.

— Да, конечно.

А я знаю, что вретъ: слышалъ, какъ онъ говорилъ съ Марьей Васильевной о томъ, что останется еще мѣсяцъ. Вижу — торопится куда-то. Я не отстаю. Вышли въ паркъ — вѣтеръ, тучи. Онъ идетъ впередъ по шоссе къ Кореизу, я за нимъ. Пришли въ деревню, къ почтѣ, къ почтовому ящику. Нарочно вынулъ папироску, прошу спичекъ. Онъ въ карманъ и съ коробкой — письмо. Чир-

каетъ спичкой, а я приглядѣлся — вижу при свѣтѣ на конвертѣ — Ольгиной. Вотъ оно, какъ его разобрало — въ тотъ же день слѣдомъ ей письмо! Чортъ его разберетъ, что за человѣкъ. Вампиръ какой-то! А потомъ привелъ меня въ кафе.

— Вы умѣете пить? — спрашиваетъ.

Вернулись съ нимъ четверть перваго. Пришлось стучаться. Впечатлѣніе совершенно ясное — эротически помѣшанный.

Нѣтъ, кокосикъ, больше я по санаторіямъ не ѣздохъ! Одно разстройство нервовъ и душевная тоска. За тебя волнуюсь: если измѣнишь — не переживу, такъ и знай.

И, вообще, лучше бы Измайлову къ намъ не ходить. Совершенно ему дѣлать у насъ нечего. Три дня отъ тебя письма нѣтъ — почему?

Любименькая моя, не огорчай, — ты, вѣдь, знаешь мою нервозность: въ одинъ день могу похудѣть до неузнаваемости.

Цѣлую во всѣ мѣста

Твой Кутикъ.

XXXVI

Варвара Михайловна Тесьминова — Николаю Васильевичу Тесьминову въ “Кириле”

Москва, 11 іюня.

Коля, дорогой, получила твое письмо и долго такъ не рѣшалась отвѣчать тебѣ потому, что ты знаешь, какъ я не люблю говорить на такія темы. Ты пишешь все о томъ же — о моемъ отношеніи къ тебѣ. Сколько разъ между нами объ этомъ говорено! И ни къ чему не приходили. Почему? Наверно, потому, что не понимаемъ другъ друга. Иной я не могу быть. Жить только тобою, любовью къ тебѣ неспособна. Мнѣ всего дороже мое дѣло — театръ, пусть даже, какъ ты говоришь, не театральное искусство, а самъ театръ, кулисы, воздухъ театра, тѣ вотъ именно люди, съ которыми я дѣлаю свое дѣло. Внѣ этого я какъ рыба, выброшенная на берегъ, ты же видѣлъ, какой я становлюсь, когда не служу, не играю. Другіе люди, другія дѣла меня не занимаютъ... Съ этимъ ничего не подѣлаешь.. Ты и наша дочурка мнѣ всегда были очень дороги, это какъ-то во мнѣ, внутри, а проявлять это не умѣю, стыдно... Создавать какой-то уютъ, думать какъ-то о васъ, стѣснять свою свободу изъ-за васъ не могу. Могу голодать, не досыпать, переносить любое лишеніе, когда это будетъ нужно, но одна мысль о томъ, что могутъ стѣснить мою свободу, быть недовольнымъ тѣмъ

или инымъ моимъ поступкомъ приводить меня въ ярость.

Послѣднюю зиму ты жаловался на свое одиночество, на нашу разобщенность — я сама признавала это, но подѣлать ничего не могла. Я знала, что это можетъ кончиться печально, и все-таки оставила идти, какъ идетъ. Не изъ равнодушія — а все изъ-за того же, не могу себя насиловать. Вотъ почему, когда ты ушелъ отъ меня къ другой, я ни въ чемъ не упрекала тебя, ничему не противилась. А вотъ, что ты ревновалъ меня къ Рюмину — это совершеннѣйшій вздоръ. Но отъ него не откажусь, потому что онъ — частица моего міра.

Ты жаловался, что я не живу твоими интересами. Они мнѣ дороги, но жить ими не могу, потому что у меня есть свои. Можетъ быть во мнѣ слишкомъ много мужескаго. Къ тому же у меня мало темперамента: Я даже не знаю — цѣль ли моей жизни — моя работа, сцена, но знаю, что это моя жизнь — единственное, что у меня есть. Ты же хотѣлъ заполнить мою жизнь инымъ — любовью къ тебѣ, нашимъ домомъ. Этого никогда не будетъ, не потому, что я не хочу такъ, а потому, что для этого мнѣ нужно было бы перестать быть самой собой. А помнишь, какъ намъ было легко и весело, когда ты, работалъ со мной вмѣстѣ?..

Я думаю, что наша ошибка въ томъ, что мы жили вмѣстѣ, создавали подобіе семьи, общаго дома. Общій домъ — значитъ, хозяйство, приноравливаніе своихъ вкусовъ, привычекъ ко вкусамъ, привычкамъ другого. Семья — значитъ подчиненіе жены мужу, или бываетъ, — мужа — женѣ. Я вовсе не хочу проповѣдывать новыхъ формъ брака. Мнѣ это неинтересно. Я даже не знаю лучше ли это для всѣхъ. Я только знаю, что это было

бы лучше для меня. Можетъ быть я — уродъ. Старый холостякъ, какъ ты, смѣясь, называлъ меня.

Вѣрю, что со мною трудно, непріютно. Вѣрю, что тебѣ нужно иное отношеніе, нуженъ помощникъ — оруженосецъ. Вѣрю даже, что мое представленіе о любви — ненормально, обольщать себя не хочу. Хотя люблю тебя попрежнему и съ горечью думаю о томъ, что все же придется разстаться навсегда, потому что со мною ты себя замучаешь. Ты не думай, говорить мнѣ это совсѣмъ не такъ легко. Я сама очень устала и хотѣла бы, какъ ты, лечь сейчасъ на песокъ подъ солнце, слушать море и ни о чемъ не думать. Все-таки мы помогли другъ другу пережить самое трудное время. А почему бы намъ, если мы не можемъ итти съ тобою въ паръ, все же не остаться друзьями. Дѣвочка-то у насъ общая.

Вотъ почему я не хочу тебѣ говорить прощай. Мы съ тобой еще не разъ увидимся. Отъ всей, всей души цѣлую тебя.

Твоя Варя.

XXXVII

**Ранса Григорьевна Геймеръ — Маріи
Васильевнѣ Угрюмовой**

(Записка, пересланная съ дѣвочкой 12 іюня).

Марія Васильевна, милая, я еще разъ обдумала создавшееся положеніе и съ большимъ убѣжденіемъ настаиваю на необходимости полного разрыва Вашего съ Т. Ъхать вмѣстѣ съ нимъ въ Хараксы — безуміе. Это значитъ еще туже затягивать на себѣ петлю, обречать себя на новыя мученія. Къ тому же онъ любитъ О. — на этотъ разъ, кажется, серьезно — это я заключила изъ своихъ наблюдений, нѣкоторыхъ его невольныхъ признаній и, наконецъ, изъ того, что Вы сами мнѣ говорили о его отчаяніи послѣ ея отъѣзда.

Во всякомъ случаѣ, Вамъ нужно спасать свою душу — она найдетъ покой только рядомъ съ М. А.

Вѣрьте мнѣ — любви насъ учить — страданіе. Нужно самой идти ему навстрѣчу, чтобы оно насъ не раздавило и дало силы любить тѣхъ, кто любить насъ.

Р. Г.

XXXVIII

Ай-Джинъ, 15 іюня.

**Профессоръ Леонидъ Викторовичъ Кашкинъ —
супругамъ Штраммъ въ Мюнхенъ, Германія**
Милѣйшіе Ольга Максимиліановна и Арнольдъ
Германовичъ, съ чувствомъ живѣйшаго интере-

са читали мы съ женой въ “Жизни Искусства” Ваши впечатлѣнія о заграничной поѣздкѣ и сводки изъ иностранныхъ газетъ объ успѣхахъ Вашего театра. Вы, конечно, поймете, какое горделивое удовольствіе испыталъ я при этомъ — Вашъ неизмѣнный поклонникъ и исторіографъ. Конечно, наши русскіе зоилы, наши господа изъ ультра «лѣваго фронта» (лѣвѣ здраваго смысла), снова подняли травлю, какъ и въ первую Вашу поѣздку. Опять старыя слова о «буржуазномъ искусствѣ», объ “эстетизмѣ”, о “пестрыхъ тряпкахъ”, о “несозвучности эпохъ”. Опять кивки въ сторону Мейерхольда — «отъ котораго всѣ качества». Всѣ эти крики — безсильная ярость передъ очевидностью: вашъ театръ живъ, будетъ живъ, и ничто не замѣнитъ блистательную страницу въ исторіи русскаго искусства, въ которой вписаны ваши имена — первой славнѣйшей артистки современности и изощреннѣйшаго режиссера. Не мнѣ говорить Вамъ это — Вы знаете мою искренность.

Вашу милую открытку изъ Дрездена намъ переслали въ «Кириле», гдѣ мы скромно проводимъ съ женой вотъ уже мѣсяцъ.

О московскихъ новостяхъ мы узнаемъ по газетамъ и журналамъ, которые приходятъ къ намъ должно быть позже, чѣмъ къ Вамъ — на пятый день. Пытаемся жить растительной жизнью и меньше думать. Это, правда, не всегда удается даже здѣсь. Современная «квалификація», «профессионализація» заставляетъ неизбежно cadaго изъ насъ и въ дни отдыха сталкиваться съ себѣ подобными.

Въ «Кириле» приблизительно то же общество, что и въ Москвѣ: общіе знакомые, общіе интересы, старыя сплетни — все это только полощется на меньшемъ пространствѣ. Чтобы нѣсколько обосо-

биться мы поселились въ Ай-Джинѣ. Но и здѣсь не спаслись. Рядомъ съ нами жилъ композиторъ Тесьминовъ, только лишь на дняхъ уѣхавшій въ Хараксы. Къ крайней своей досадѣ намъ съ женой пришлось быть свидѣтелями одного изъ его безчисленныхъ романовъ. Я раньше зналъ его только какъ композитора и блестящаго музыканта. Теперь мнѣ удалось присмотрѣться къ нему поближе. Это во всякомъ случаѣ любопытная фигура, любопытная въ отрицательномъ отношеніи. Ему бы слѣдовало жить въ вѣкъ плаща и шпаги. Но долженъ признаться, новое произведеніе Тесьминова — симфонія «Поединокъ» превзошло мои ожиданія.

Онъ игралъ намъ ее недавно. Въ музыкѣ Тесьминова меня больше всего подкупаетъ свѣжесть и цѣльность музыкальной мысли, ея молодой, стремительный бѣгъ. Въ Тесьминовѣ нѣтъ и тѣни упадочности, столь часто характеризующей рахитичныхъ западныхъ новаторовъ, ищущихъ остроты звуковыхъ ощущеній, ихъ одуряющей, гипнотизирующей пряности. Нѣтъ въ немъ и стремленія къ экстравагантной лѣвизнѣ, служащей прикрытіемъ безсилія творческихъ потугъ.

Что Тесьминовъ вполнѣ здоровая творческая натура убѣдительно свидѣтельствуютъ преобладающее мажора надъ миноромъ, богатая динамика ритма, склонность къ широкой напѣвности. Эти черты дарованія Тесьминова, роднящія его съ Прокофьевымъ, очень рельефно выяснились въ симфоніи «Поединокъ». Она цѣликомъ стремительна, бодра по настроенію, напѣвна по изложенію, рельефна тематически, лаконична по формѣ. Она захватываетъ вниманіе съ первыхъ же тактовъ и цѣпко держитъ его въ своихъ рукахъ. Если въ сжатой первой части и слѣдующемъ мослѣ нея

скерцо половые импульсы преобладаютъ, то въ анданте (третья часть) — выступаетъ лирика, впервые у Тесьминова получившая такое яркое выраженіе. Музыка медленной части симфоніи покоряетъ своей искренностью и рѣдкой душевной теплотой. Эта сердечная ласковость оформляется въ сложный симфоническій комплексъ. Заключение анданте переходящее въ медленное вступленіе финала, нѣсколько ослабляетъ впечатлѣніе. Заканчивается симфонія въ ясныхъ свѣтлыхъ тонахъ.

Вы, конечно, догадались, почему я такъ подробно остановился на этой вещи. Я вспомнилъ нашъ послѣдній разговоръ, Арнольдъ Германовичъ. Вы тогда печаловались о скудности музыкальнаго матеріала, пригоднаго для Вашихъ режиссерскихъ заданийъ. Когда я слушалъ Тесьминова, мнѣ пришла въ голову мысль заинтересовать его Вашей идеей. Онъ былъ бы очень полезенъ...

Но вотъ тутъ я столкнулся съ нимъ, какъ съ человѣкомъ.

Конечно — слушатели хотѣли знать, «Поединокъ» съ кѣмъ или съ чѣмъ? Названіе всегда интригуетъ... Мнѣ казалось, что поединокъ Дюшаса съ Аполлономъ. До жути иногда захлестывалъ хаосъ и мракъ и вдругъ блистательный гармоническій фокусъ и снова Аполлонъ наверху.

Захлопнувъ крышку рояля, Тесьминовъ торопливо откланявшись, кинулся на террасу. Я послѣдовалъ за нимъ, чтобы подѣлиться своими впечатлѣніями и поговорить о Вашемъ театрѣ, но долженъ былъ отступить. Онъ уже стоялъ рядомъ съ одной изъ нашихъ отдыхающихъ, какой-то маленькой докторшей, крайне безцвѣтной, и, взволновано блестя глазами, держа ее за руки, забывъ, что онъ на виду у всѣхъ, началъ объяснять ей идею «Поединка».

Оказывается, онъ происходитъ между Тесьминскимъ и — всѣмъ его прошлымъ (и ничего божественнаго, скрябинскаго тутъ нѣтъ)... Онъ хочетъ жить, творить... чувствовать подъ руками комки живой жизни... а хватается только призраки, отзвуки, тѣни... прошлое держитъ его въ былыхъ привязанностяхъ, вкусахъ, любви. А въ немъ бунтуетъ живая жизнь... Что-то въ этомъ родѣ — крайне невразумительное, мальчишеское. И рядомъ эта докторша... такъ прекрасно нашедшая себя въ настоящемъ. Мнѣ было стыдно за него. Настолько размѣниваться въ его года и съ его талантомъ.

Теперь, благодареніе Богу, онъ уѣхалъ. Флигель въ Ай-Джинѣ опустѣлъ и мы съ женой можемъ въ тишинѣ наслаждаться отдыхомъ. Правда, этотъ покой достался намъ не дешево. За два дня передъ его отъѣздомъ мы были разбужены чѣмъ-то плачемъ. Плакала Угрюмова — любовница, съ которой онъ прожилъ весь этотъ мѣсяцъ. У нихъ было крупное объясненіе. Тесьминовъ хлопнулъ дверью и ушелъ. Тогда мы услышали звонъ разбитаго стекла и душу раздирающій крикъ. Жена кинулась къ сосѣдкѣ. Она билась въ истерикѣ.

Однимъ словомъ пошлятина. Бѣдная Лидуся нѣсколько дней послѣ этого чувствовала себя скверно. Вы знаете ея впечатлительность.

Однако я Вамъ успѣлъ уже надоѣсть. Сердечно обнимаю Васъ, дорогой Арнольдъ Германовичъ, и цѣлую ручку Ольгѣ Максимиліановнѣ. Лидуся пишетъ отдѣльно

Вашъ Л. Кашкинъ.

XXXIX

Марія Васильевна Угрюмова — Николаю Васильевичу Тесьминову въ деревню Хараксы

Ай-Джинъ, 15 юня.

Мой любимый, прости, что своей эгоистической любовью не сумѣла дать тебѣ тотъ покой, который ты искалъ около меня и который я всѣмъ сердцемъ хотѣла дать тебѣ.

Большая моя вина въ этомъ передъ тобою, но она все же искупается моей безграничной любовью, моими страданіями — все было лишь для тебя, съ тобою, въ тебѣ.

Только теперь, когда ты уже далеко, поняла я, что не мудрой была моя любовь, а такой она должна была быть у женщины моихъ лѣтъ.

Прости, мой любимый, но помни — буду всегда твоимъ до конца вѣрнымъ другомъ, знаю и вѣрю, что всегда найдешь во мнѣ опору — вѣдь, какъ былинка колеблешься ты, мой любимый, и не разъ еще нужна тебѣ будетъ примиренная ласка.

Тебя благодарю за то, что коснулась меня нѣжность души твоей, ясный умъ твой, разбудившіе во мнѣ до сихъ поръ молчавшія чувства. Что снялъ съ меня аскетическіе оковы, въ нихъ такъ долго томилась моя женская душа. Никогда до тебя не знала я, какъ мучительна и сладка любовь, какъ страшна и свята она и не похожа на то, что мы привыкли называть любовью.

Ни въ чемъ и никакъ я не виню тебя — не тревожся. Я спокойна, воля моя крѣпка, — твердо знаю свой путь, свой долгъ. Открыто и прямо могу смотрѣть въ глаза людямъ и не въ чемъ мнѣ упрекать себя.

Я возвращаюсь къ дѣтямъ и мужу, потому что въ нихъ моя жизнь, я благословляю тебя, потому что въ тебѣ — моя любовь, которая приходитъ только разъ, чтобы въ страданіяхъ убить или закалить душу, вернувъ ее снова къ жизни и долгу.

Я достигла это сердцемъ въ одинъ мигъ еще тогда, когда въ мысляхъ моихъ твердо вѣрила въ возможность удержатъ тебя около себя какою угодно цѣною. На глазахъ моихъ все еще была пелена. Не помня себя отъ горя, я шла къ тебѣ просить, чтобы ты позволилъ мнѣ ѣхать съ тобою въ Хараксы, я шла на послѣднее униженіе и радость — вѣдь, ты раньше общалъ мнѣ это и я писала мужу о своемъ рѣшеніи (я даже повторяла себѣ — пусть онъ сдѣлаетъ это изъ жалости — все равно). У твоей двери я остановилась, колеблясь — войти ли — — и услышала глухой стонъ. Ты плакалъ. Знаю причину твоихъ слезъ.

Вѣрь мнѣ, это не бабья догадка, не ревность — всѣмъ существомъ своимъ въ эту минуту поняла я, о чемъ эти слезы.

Я стояла долго, пила твои слезы, гладила тебя по головѣ — ты долженъ былъ почувствовать это, хотя я стояла за дверью — всю силу моей любви, моего горя, моего знанья — вложила я въ эту ласку. Потомъ ушла.

Ты засталъ меня твердой, улыбающейся. Я сказала тебѣ о своемъ рѣшеніи вернуться въ Москву, къ мужу. Это рѣшеніе успокоило тебя — ты ждалъ слезъ, упрековъ, какъ прошлый разъ. Тогда я все еще была бабой — сейчасъ душа моя закалена. Я

поняла по-настоящему слова Геймеръ (она изумительная женщина — въ эти суровые дни — мой лучший другъ) — любви насъ учить страданіе. Ты это тоже теперь знаешь.

Завтра я навсегда оставляю эти мѣста, покидаю много разъ въ одиночествѣ исхожденные тропинки, свидѣтелей моего безумія — надеждъ и отчаянія. Здѣсь я думала бродить съ тобою рука объ руку — но только задыхалась, преслѣдуя тебя.

Любовь моя стала мудрой. И я могу пожелать тебѣ то, къ чему пришла черезъ страданье: вѣрь, милый, только въ свои силы, больше всего полагайся на себя, не гонись за счастьемъ, не ищи его въ другихъ, а сумѣй найти и сберечь въ себѣ самомъ. Въ тяжелые дни вспоминай женщину, такъ страстно, такъ жадно тебя любившую и черезъ нераздѣленную любовь свою пришедшую къ покою и жизни.

Марія.

XXXX

Врачъ Василій Савельевичъ Ждановъ — Федору Константиновичу Курдюмову въ Ленинградъ

Москва, 27 іюня.

Ну, братенька, удивляйся, крой, что хочешь дѣлай, я уже не одинъ, а въ парѣ. Отдыхъ, видно, мнѣ на пользу пошелъ — безъ всякихъ твоихъ разъясненій усвоилъ — хорошая штука любовь, когда попадается тебѣ добрый товарищъ.

Нашелъ я на отдыхъ жену, друга, веселаго, крѣпкаго человѣка — Наташу. Она агрономъ — уѣдемъ мы съ нею въ деревню, къ мужикамъ, на веселую работу — я буду людей починять, а она ихъ къ земляной работѣ приспособливать. Агрономъ и врачъ — чего лучше — самое у насъ сейчасъ нужное, — хлѣбъ и здоровье. Какого тебѣ еще рожна?

Нѣтъ, это я такъ по телячей своей радости заговорилъ — ты не серчай.

Да, почему бы и не гордиться?.. Наташа моя на всѣ руки — сильна, умна, бодра. А какъ это вышло? Не объясню. До самого почти ея отъѣзда мы съ ней о любви почти ни слова. Я даже не думалъ объ этомъ. Глотку драли, — это вѣрно, но все больше въ спорѣ. Задирали она меня — и верхомъ ѣзжу — никуда, и плаваю — дрянно, и стрѣляю — плохо, и Маркса не знаю толкомъ. По всѣмъ швамъ разобрала. Ну, а пришло дѣло къ “прощайте” — вижу мой пріятель глазами морга-

еть и отъ меня шарахается. Я къ Ольгиной, ея пріятельницѣ — въ чемъ дѣло, спрашиваю. А она носъ кверху, зубы оскалила, смѣется.

— Эхъ, Вы, — говорить — простофиля.

Ну, конечно-же — простофиля! Сразу понялъ — люблю — все у насъ общее. Пошелъ и сказалъ ей напрямки.

Какого только вздору у насъ по этому случаю въ «Кириле» не говорили. Уши вянуть! Одна только Ольгина, да еще Тесьминовъ поняли, какъ слѣдуетъ. Этотъ музыкантъ — ты его раздѣлалъ подъ орѣхъ, но онъ, право же, не такъ плохъ.

— Чего бы я только не далъ, чтобы быть на Вашемъ мѣстѣ, — говорить: — у васъ все ясно и просто.

— А зачѣмъ же путать? — спрашиваю.

— Само путается. — отвѣчаетъ: — знаете, когда веретено испорчено... Какъ ни старайся — либо узлы, либо рвется.

— А вы веретено къ чорту.

— Это себя-то, вы хотите сказать? Что же, пожалуй, мысль неплохая.

— Да не себя, а багажъ свой. Багажа у васъ назади много. Безъ него легче.

Тутъ я ему все выложилъ на радостяхъ — какъ теперь понимаю личную жизнь.

Прежде всего помнить твердо: ошибки всегда и во всемъ бываютъ, онѣ лучшая школа, а не трагедія. Разъ. Личную жизнь строю по своей работѣ, а не работу по личной жизни. Тогда будетъ соблюдено душевное равновѣсіе. Два.

И самое существенное: — любовь ничего кромѣ любви не даетъ, то-есть — человѣка не мѣняетъ и воедино двухъ никогда не сливаетъ: два — всегда два, двѣ головы — два міра. Поэтому зря не мечтай — мой, моя. Быть этого не можетъ. Разъ

такъ — значить, какъ можно яснѣе — раздѣльность — равенство. Съ перваго дня. Тогда меньшая вѣроятность ошибокъ. Единое — это только въ чувствѣ любви, въ дѣлахъ. Три.

А въ четвертыхъ — жена не мѣшокъ, тащить ее незачѣмъ — сама съ ногами. Мужъ не лошадь — безъ хомута можетъ итти въ парѣ.

Хорошее есть такимъ отношеніямъ слово — товарищеское. Опредѣляетъ оно личную свободу и идейную связанность, раздѣльность усилий и общность воли, свободную соподчиненность, но отнюдь не свободу подчиненія.

Не мужъ и жена — нужно это дѣло бросить (дрянные слова ничего нашему духу не говорящія), а товарищи. Въ этомъ словѣ — все и прежде всего наличіе двухъ людей, обязанныхъ во всемъ лишь самимъ себѣ, а потому уважающихъ другъ друга.

Чортъ его знаетъ, можетъ я не такъ говорю, не тѣми словами, самага главнаго не сказалъ и сказать, пожалуй, не сумѣю, потому, что въ концѣ концовъ не въ разсужденіяхъ дѣло, а въ насъ самихъ, въ томъ, кто — мы, изъ какого тѣста — какихъ устремленій люди.

Вѣдь, вотъ Тесьминовъ со всѣмъ этимъ согласился, — но тутъ же сознался, что принять это, воплотить въ дѣйствіи, осознать въ себѣ, какъ непреложное, не можетъ. Опять та же испытанная, твердая, какъ сталь, классовая предпосылка. Противъ рожна не поперешь — головнымъ не проживешь.

И вотъ — тутъ-то я съ тобой поспорю — не хуже онъ насъ, а другой — разумомъ чувствуетъ нашу правду, а ногами вросъ въ прошлое. Въ этомъ его разладъ, разрывъ — ни въ тѣхъ, ни въ другихъ. Какъ большинство старой интеллигенціи. И колетса, и хочется, и мамаша не велить. Да къ

тому же изъ этого ему не вытряхнуться нипочемъ, чтобы онъ ни дѣлалъ, «взлеты воображенія», оторванность отъ реальности.

Я Ольгиной такъ и сказалъ на прощанье:

— Будьте тверды, товарищъ — въ основномъ — въ себѣ самой.

Такъ-то вотъ, братишка, узналъ и я отдыхъ и любовь. Теперь опять за дѣло.

Будь здоровъ.

Ждановъ.

XXXXXI

**Надежда Ивановна Ольгина — Николаю
Васильевичу Тесьминову въ Хараксы**

Москва, 27 июня.

Только сегодня подумала, что скоро, навѣрное, получу отъ Васъ письмо, какъ придя домой, нашла его уже на столѣ.

Какое большое письмо и какой бредъ. Простите мнѣ, Николай Васильевичъ, это слово, но оно къ мѣсту. Другого не подберу. Ваше письмо искренне — я знаю, но Вы ни разу не задумались надъ тѣмъ, что пишете. Въ Васъ говоритъ только чувство. А я слишкомъ реальна, да ужъ и не такъ молода, чтобы не знать, какъ безотвѣтственны наши чувства, если они не подчинены разуму.

Вы — фантазеръ. Вамъ легко видѣть чрезвычайное въ любомъ своемъ переживаніи и повѣрить любому своему вымыслу. Я же привыкла не довѣрять даже фактамъ. Съ дѣтскихъ лѣтъ жизнь научила меня осторожности. Можетъ быть, это очень плохо, но что подѣлаешь. Вотъ почему я вѣрю Ва-

шей искренности, но Вамъ — не вѣрю. Знаю, что не должна вѣрить, если хочу остаться самой собою. Въ «Кириле» это не всегда мнѣ удавалось — я часто закрывала глаза, когда Вы говорили. И тогда чуть-чуть Вамъ вѣрила. Этого не нужно было дѣлать. Для Васъ же самихъ. Зачѣмъ брать Вамъ на себя непосильную ношу — вѣру въ Васъ другого человѣка? Рано или поздно, Вамъ пришлось бы отнять ее у него, — а это всегда тяжко.

Лучше не надо, милый, милый Николушка! Мнѣ такъ легко, хорошо было съ Вами — оставьте мнѣ эти воспоминанія, не углубляйте ихъ, не осложняйте. Мнѣ и сейчасъ хотѣлось бы побыть съ Вами такъ же, какъ тогда въ «Кириле» — посидѣть на солнышкѣ, у моря, посмотрѣть, посмѣяться, послушать Вашу музыку, Вашъ «Поединокъ» съ прошлымъ — и вѣрить, что Вы въ немъ окажетесь побѣдителемъ. Но не больше. Большаго я не могу, Николушка... А почему, почему — не все ли равно? Вѣдь важны факты, а не причины.

Да и вовсе я не такъ хороша, какъ Вамъ кажется. Просто я вылѣплена изъ другого тѣста, чѣмъ Вы — человѣкъ для Васъ новый. Но не Вы ли укоряли меня за мою сдержанность, замкнутость, холодность. Вѣдь, я кромѣ своей клиники, занятій, засѣданій и скромныхъ удовольствій — ничего не знаю. Жизнь моя очень трезва, очень прямолинейна, она не рассказывала мнѣ сказокъ, какъ Вамъ. Не забудьте, что человѣкомъ я стала въ дни революціи, выросла на четверти фунта хлѣба, на пайкѣ, на холодѣ и лишеніяхъ. Что я, несмотря, на всю свою «ученость» — совершенно примитивный человѣкъ, просто-таки не знаю ничего о той жизни, которой жили Вы — человѣкъ старой культуры. Вѣдь у насъ и повадки-то съ Вами разные. Вы вотъ хотите оторвать отъ себя свое прошлое,

а у меня его вовсе не было. Какъ же мы могли бы слѣпить общую жизнь. Да, нѣтъ — развѣ можно говорить объ этомъ серьезно.

Лучше приходите ко мнѣ, какъ обѣщали — пить чай, а потомъ поѣдемъ къ Наталіи Максимовнѣ въ Петровскую академію — ѣсть смородину. И будетъ намъ попрежнему легко и просто. Ладно?

И не грустите. Не надо. Я не могу Васъ даже представить грустнымъ. Въ моей памяти Вы — всегда молодой, улыбающійся, веселый. Съ Вашимъ лицомъ инымъ и нельзя быть.

А вотъ вѣрить тому, что и у такихъ, какъ Вы, бываетъ сильное желаніе любить — мнѣ очень хочется. Но по моему Вамъ это ни къ чему. Не сердитесь. Любовь несетъ съ собою большое чувство отвѣтственности — она даетъ радость лишь тѣмъ, кто привыкъ отвѣчать за свои слова и поступки, для другихъ же она лишь непосильная тяжесть.

Вы избалованы легкостью, съ какой Вамъ приходилось избѣгать этой отвѣтственности, а потому Вы не знали любви. И Вы этимъ счастливы. Вамъ можно завидовать. Но слѣдовать Вамъ я была бы не въ силахъ. Не сумѣла бы.

Не сѣтуйте на меня, не печальтесь, не укоряйте себя за свою искренность. Если я не все поняла въ Васъ, то все же никогда не осуждала. Вы хороши такой — какъ Вы есть. И если бы крымскій отдыхъ былъ бы обычнымъ моимъ состояніемъ, если бы меня не ждали здѣсь суровые, трезвые будни, я, пожалуй, другого счастья и не искала бы. Но что прекрасно и легко во снѣ — на яву не осуществимо. А сознайтесь, что Вы часто сонъ принимаете за дѣйствительность и мало задумываетесь о неминуемомъ печальномъ пробужденіи. Я же и во снѣ рѣдко вижу сны.

Вотъ почему будучи моложе Васъ, знаю, что

для того, чтобы забыть другого человѣка, нужна не женщина, а прежде всего — время. У Васъ же времени прошло слишкомъ мало, даже принимая въ расчетъ Вашъ характеръ. Оставайтесь наединѣ съ самимъ собою, спросите себя, правы ли Вы, уйдя отъ той, которую любили, и не спѣшите дѣлать вторую “глупость” — (Вы сами такъ называли Вашу женитьбу на любившей Васъ дѣвушкѣ, не задумавшись надъ тѣмъ, какъ дорого стоила ей эта Ваша «глупость»). Море и солнце — лучшіе врачи, уединеніе — лучший совѣтникъ.

А мнѣ оставьте ничѣмъ незатемненную радость воспоминаній о единственномъ въ моей жизни беззаботномъ мѣсяцѣ и о человѣкѣ, который помогъ мнѣ въ полной мѣрѣ оцѣнить эту беззаботность. Наше знакомство началось съ горѣлокъ, въ сумерки. Помните? Насъ познакомилъ Пороша, мы оказались рядомъ — въ парѣ. Лица Вашего я не видѣла, но мнѣ почему-то стало по-дѣтски весело, когда мы побѣжали и Пороша не сумѣлъ насъ догнать. Вы протянули мнѣ руку, я схватила ее, — мы разсмѣялись. Съ этого началась наша дружба. Сознаться Вамъ, я каждый день просыпалась веселой, потому что знала, что увижу Васъ. И дурила съ Вами отъ чистаго сердца и нисколько не обидѣлась, когда Вы мнѣ приносили розы и даже до сихъ поръ храню Вашъ послѣдній букетъ. Можетъ быть, все это меня радовало такъ, потому что никогда въ моей юности я этого не испытала, а Вы ни однимъ пошлымъ словомъ не нарушили моей беззаботной дурости.

Оставьте же все такъ, какъ есть, прошу, Никушка. Не надо ничего другого. Вѣдь, Вы же хорошій.

Не огорчайте свою кичкине. Она теперь вся ушла въ работу и даже старается не смѣяться, чтобы выглядѣть солиднѣй. Вы представляете себѣ это?

Дина.

XXXXII

Листки изъ дневника или неоконченнаго письма Ник. Вас. Тесьмина

помѣченные 5 іюня, Хараксы.

...Я пойду сегодня далеко — вдоль берега, подбирая камешки. Тутъ ихъ такъ много — всѣхъ цвѣтовъ. Они мелкіе, гладенькіе, хорошо отшлифованные, ихъ пріятно держать между пальцами. Кто скажетъ, что это отдѣльные жизни — осколки каменныхъ глыбъ, донесенные волной изъ глубинъ, Богъ вѣсть послѣ какой борьбы, какимъ долгимъ, тяжкимъ путемъ.

Чья-нибудь лѣнивая рука подымаетъ ихъ, чей-нибудь любопытный глазъ улыбнется имъ — вѣдь, они только красивы и пріятны на ощупь, они сверкаютъ подъ солнцемъ. О какихъ катастрофахъ могутъ они рассказать намъ?

Я часто думаю, что самая большая моя неудача это то, что я красивъ. Не такъ даже красивъ (это не совсѣмъ то слово на современномъ языкѣ), какъ весь такой безызыанный внѣшне, слишкомъ молодой и гладкій на ощупь—тогда какъ душа у меня некрасиваго человѣка. И если глаза мои зорко и слишкомъ пристально смотрятъ, то не отъ того, — думается другимъ, — что я жадно ловлю вниманіе къ себѣ? О какихъ катастрофахъ можно прочесть въ этихъ глазахъ?

Это жутко. Такъ же жутко, какъ носить на себѣ комическую маску. Я гдѣ-то читалъ о такомъ человѣкѣ — играя трагическаго героя онъ страдалъ, бѣсновался отъ муки, а надъ нимъ смѣялись,

говорили, что никогда въ жизни онъ не былъ такъ смѣшенъ. И въ моей музыкѣ видятъ только одну блестящую форму. Развѣ такой тонкій, изящный, моложавый человѣкъ умѣетъ чувствовать по настоящему?

Какой-то остроумецъ сказалъ:

— Цвѣты существуютъ для того, чтобы пахнуть. И несмотря на очевидную глупость этого опредѣленія — ему всѣ повѣрили.

Другой, хорошо знающій людей, замѣтилъ:

— Если бы у Льва Толстого не было бороды, ему слѣдовало бы ее приклеить, иначе никто бы не повѣрилъ ему, что онъ философъ.

Въ трамваѣ мнѣ говорятъ:

— Молодой человѣкъ, будьте любезны...

Съ людьми, у которыхъ отросло брюшко, я робѣю, несмотря на то, что я ихъ старше.

Я самъ перестаю довѣрять себѣ.

Никто не скажетъ, что я глупъ, но никто не обратится ко мнѣ за совѣтомъ.

Большинство очаровательныхъ женщинъ готовы принадлежать мнѣ, но ни одна дурнушка не приняла моей любви, какъ естественное чувство обыкновеннаго человѣка, умѣющаго любить.

Немного людей меня любятъ, какъ любятъ дѣтей, красивыхъ звѣрьковъ, цвѣты, большинство относится ко мнѣ съ безсознательнымъ раздраженнымъ недовѣріемъ — это тѣ, кто не любитъ дѣтей, звѣрьковъ, цвѣты, но я-то знаю, что я далеко не ребенокъ, не звѣрекъ и совсѣмъ не цвѣтокъ, существующій для того, чтобы пахнуть. Мастеръ ошибся — онъ вложилъ мнѣ душу некрасиваго человѣка.

Я самый простой, самый обыкновенный человѣкъ. Я думаю, я чувствую, какъ другіе. Но когда я говорю объ этомъ — мнѣ не вѣрятъ. У меня

слишкомъ блестятъ глаза, слишкомъ молодо лицо, слишкомъ точенъ, плавленъ жестъ. Это красиво, но не убѣдительно.

Я кричу — мнѣ смѣясь замѣчаютъ, что я капризничаю.

— Что же Вамъ еще недостаетъ, Николушка? Вы счастливый человѣкъ. Вы Доріанъ Грей. — Жизнь бѣжитъ мимо Васъ, не оставляя слѣдовъ.

И какъ часто въ этихъ словахъ звучитъ зависть. А болѣе злые рѣшаютъ увѣренно:

— Его ничто не трогаетъ. Это эгоистъ чистѣйшей воды. Человѣкъ безъ сердца.

Нѣтъ, другъ мой — красивая маска — самая страшная маска.

Когда Пракситель изваялъ свою Афродиту, онъ, ославленный ея красотой, говорятъ, тотчасъ же напился и пошелъ согрѣвать себѣ сердце на груди безобразной толстой стряпухи. «Моя Афродита — богиня любви, — сказалъ онъ: — но она слишкомъ красива, чтобы любить и быть любимой.»

Я далеко не Афродита, но меня изваялъ тотъ же злой мастеръ.

Что же, — я пойду сегодня вдоль моря, собирая на ходу камешки. Я не коллекціонеръ, я не беру эти красивые осколки. Я люблюсь ими и бросаю ихъ снова на песокъ. Быть можетъ новый взмахъ волны обезобразитъ ихъ, и на обратномъ пути я ихъ не узнаю. Мнѣ все равно. Тамъ на правомъ крылѣ бухты по землянымъ холмамъ разсыпаны тяжелые валуны — одинъ изъ нихъ лежитъ въ море — вдали отъ берега.

Существуетъ легенда, что этотъ валунъ, лежащій въ водѣ — святая Евпраксія, кинувшаяся въ волны. За нею побѣжали ея овцы, и она и овцы окаменѣли. Валуны эти тяжелы, грубы, неотесаны

— но вокругъ нихъ создалась трогательная легенда.

Камешки, лежащiе на моей ладони, пестры, красивы, прихотливой, совершенной формы — но о нихъ никто ничего не расскажетъ.

— Они существуютъ, чтобы нравиться. О какихъ катастрофахъ говорятъ они?

Вспомни Дина мое лицо, когда мы были съ тобой на Ласточкиномъ Гнѣздѣ — оно было счастливо.

Зажмурь глаза и представь его себѣ такимъ. Оно сейчасъ такое же.

6 iюня.

Нужно найти равновѣсiе, найти себя въ современности, выскочить изъ своей оболочки, переименить костюмъ... Вѣдь, отъ костюма мѣняется строенiе, психологiя... Не попробовать-ли?

XXXXIII

Поэтъ Валентинъ Медынецъ — поэту Алексѣю Прошину въ Парижъ

дер. Хараксы, 7 іюня.

Здравствуй, дорогой мой старикъ, наконецъ-то, собрался побесѣдовать съ тобою. Въ наши годы живешь больше памятью, чѣмъ настоящимъ. И если я рѣдко пишу тебѣ, то это не значитъ, что мысли мои не возвращаются къ тебѣ часто. Такъ много у насъ общихъ воспоминаній, что, пожалуй, не разъ они приводятъ насъ обоихъ въ одинъ и тотъ же часъ — раздѣленныхъ тысячами верстъ — на однѣ и тѣ же мѣста... Но что скажешь о мимо идущемъ днѣ, о тропѣ, по которой влекутъ меня мои старыя ноги.

Нужно сказать правду, я самъ удалился отъ жизни, предпочитая уединеніе — сутолокѣ, раздумье — праздному любопытству.

Надо мной все то же вѣтренное небо, подо мной рыжая гиперборейская земля, впереди — космическое море. Я дышу запахами первозданія — соли (начало разума), полыни (начало сознанія), мяты (начало эмоціональное). Не упрекай меня въ излишней любви къ сближеніямъ. Ты часто называлъ мои пенаты — мѣстомъ ссылки, тебя не прельщала ихъ суровая простота. Но я сроднился съ ними. Отсюда мнѣ виднѣе. Въ нашемъ теперь, увы, такъ порѣдѣвшемъ содружествѣ поэтическихъ смутьяновъ меня всегда считали чудачковатымъ. Таковымъ я остался и по сей день. А все-же долженъ похвастаться, мое чудачество спасло меня отъ недуговъ, на которые вы всѣ, друзья

мои — урбанисты, жалуется. Я здоровъ, какъ священный аписъ. Только волосы мои, по прежнему густые, покрылись пѣной.

Я встрѣчаю каждый восходъ съ непокрытой головой, стоя босый на песчаной отмели. Такъ я начинаю свой день, привѣтствуя свѣтило во всѣ поры года.

Я ѣмъ и пью, какъ Гаргантюа, сплю, какъ невинный младенецъ, радуюсь солнцу, какъ ящерица, работаю, какъ первый землепашецъ. Да, мой старикъ, я все еще очищаю первобытную землю отъ камней и плевелъ, все еще не готовъ къ пашнѣ. Форма скользитъ въ моихъ рукахъ, несмотря на то, что вы, снисходительные мои судьи, — давно признали меня мастеромъ. Но изъ лабиринта знанія нѣтъ выхода — и человѣкъ не станетъ никогда инымъ, чѣмъ-то, во что онъ страстно вѣритъ.

Меня ждетъ участь Флобера: слово пожреть меня.

Но полно о себѣ. Однако, о чемъ же, какъ не о себѣ и своихъ мысляхъ въ связи съ моей работой могу я повѣдать тебѣ?

Пожаловаться развѣ на то, что недавно открыли у насъ почтовое отдѣленіе, и что теперь я всецѣло завишу отъ произвола почтальона, въ любую минуту имѣющаго право постучаться у моего порога и передать мнѣ непрошенное письмо. Ты снова назовешь меня чудакомъ, но развѣ письмо, полученное тогда, когда ты его менѣе всего ждешь, когда ты не самъ въ ревнивомъ ожиданіи послалъ за нимъ — не похоже на незваннаго, болтливаго пріятеля, нарушившаго въ неурочный часъ твой покой?

Къ счастью, у насъ еще горятъ керосиновые лампы. Я самъ затепливаю мой свѣтильникъ, по произволу могу умѣрить или усилить его пламя, —

оно зарождается и умираетъ въ предѣлахъ моего жилища, не руководимое ничьей иной волей. Такъ я чувствую себя увѣреннѣй, — единолично повелѣвая стихіей. Не сейчасъ, — это серьезнѣе, чѣмъ кажется на первый взглядъ. Видишь ли, я не обольщаю себя достиженіями культуры: я пришелъ къ тому рубежу, когда начинаешь постигать относительность сущаго. Одиночество укрѣпило меня въ этомъ сознаніи.

Все относительно — трезвая мысль и бредъ. Любая истина живетъ не болѣе предѣльнаго возраста водовозной клячи. Мы исчислили все, а, въ сущности, ничего не знаемъ: ни емкости, ни смысла тяготѣнія, ни свойства планетныхъ массъ, ни форму ихъ орбитъ. Мы говоримъ: нѣтъ вещества, есть только коловращеніе силъ, твердость ничто иное, какъ сопротивленіе, нѣтъ атома, а имѣется лишь поле напряженія. Нѣтъ плотности, вѣса, размѣра — есть только функціи различныхъ скоростей. Все живо разницей давленій, температуръ, потенціаловъ, массъ. Самое время течетъ неравномѣрно, а пространство мыслится въ многообразіи формъ. вмѣсто одной мы знаемъ теперь множество математикъ. Мы существуемъ въ Космосѣ, гдѣ все теряется, но ничто не возникаетъ вновь. Свѣтъ, электричество, теплота — лишь многообразныя формы разложенія и распада.

Что же тогда человѣкъ, какъ не могильный червь?

Сама вселенная, мыслимая прежде человѣчествомъ, какъ единый организмъ, — теперь — ничто иное, какъ водопадъ сгорающихъ міровъ. Нѣтъ безсмертія, матерія кончена. Число міровъ исчерпано. Все бытіе мгновенно и случайно. Жизненные явленія — гребень волны между двумя безднами смерти. Возводя соборы космогоній, чело-

вѣкъ отображаетъ въ нихъ не внѣшній міръ, а только лишь грани своего незнанья. Вотъ почему я предпочитаю начать сызнава — быть вселенной и творцомъ, самому взрывать плугомъ цѣлину земли. Вотъ почему я зажигаю самъ свой свѣтильникъ, сознавъ себя божественнымъ и вѣчнымъ. Къ тому же, я не оболющаюсь и въ этомъ, счастливый уже тѣмъ, что могу лицезрѣть — солнце, твердь и море — три начала, двинувшія человѣческій разумъ по пути творчества и достижений. Прими это, какъ бредъ одинокаго чудака и не взыщи за болтливость.

Знаешь ли ты Тесьминова ? Весьма извѣстнаго композитора Тесьминова, Николая Васильевича? Во всякомъ случаѣ, ты долженъ быть знакомъ съ его музыкой. Она, несомнѣнно, нравится тебѣ, изощренному, цѣнителю архитектурности формъ въ искусствѣ. Тесьминовъ безукоризненный зодчій, внѣ зависимости отъ того, что онъ строитъ. Прослушавъ его у себя два раза (онъ поселился мѣсяць тому назадъ въ Хараксъ и почелъ долгомъ посѣтить меня), я откровенно высказалъ ему это впечатлѣніе, но видимо оно скорѣе огорчило, чѣмъ обрадовало его. Вотъ художникъ (я его почти не знаю, какъ человѣка), внѣшній обликъ котораго неотдѣлимъ отъ его творчества. Въ этомъ большая радость.

Я смотрѣлъ на его руки, движенія корпуса, черты его лица, — духъ несоотвѣтствій не коснулся ихъ. Боишься увидѣть за этимъ гармоничнымъ обликомъ мятущийся хаосъ современнаго калѣки.

Но геній случая играетъ нами. Пять дней назадъ, купаясь съ лодки въ морѣ, Тесьминовъ пытался взобраться на валунъ, которому легенда дала имя святой Евпраксіи. Пальцы не удержали скользкій камень и въ своемъ паденіи музыкантъ

обезобразилъ объ острые зубья шифера свое лицо. Его принесли на носилкахъ ко мнѣ, гдѣ ему подали первую помощь. Ушибъ оказался неопаснымъ, но докторъ сказалъ мнѣ, что шрамъ на лицѣ Тесьминова останется до конца его дней. Одна багровая линія, точно проложенная рукою неудовлетвореннаго художника, бороздитъ справа налево отъ лба до подбородка, черезъ переносицу, когда-то безупречный въ своихъ пропорціяхъ ликъ.

Я стараюсь, какъ можно рѣже посѣщать больного, которому теперь значительно лучше. Мнѣ не столько жаль человѣка (признаюсь тебѣ въ этомъ), сколько нарушенную гармонію. Но Тесьминовъ, кажется, не палъ духомъ, онъ до странности веселъ. Эта веселость еще больше безобразить его. Онъ говоритъ, что стастливо отдѣлался, такъ какъ руки его не повреждены, — и мечтаетъ о новыхъ творческихъ достиженіяхъ. Дитя, онъ не сознаетъ, что его прелесть, его талантъ — въ нерушимой сліянности созданія и мастера. Только мудрецъ въ уродствѣ своемъ можетъ быть прекраснымъ. Но въ чемъ очарованіе искалѣченнаго человѣка? Онъ вызываетъ только жалость, чувство, чуждое суровому искусству. Если Тесьминовъ теперь попытается сыграть мнѣ что-нибудь, мнѣ непереносимо будетъ его слушать. Но, къ счастью, докторъ прописалъ ему полный покой, рекомендовавъ въ ближайшіе же дни ѣхать въ Москву для болѣе успѣшнаго леченія раненій. Отъ души желаю ему вернуть утраченное равновѣсіе плоти и творящаго духа. Человѣкъ не родится дважды.

Не кажется ли тебѣ, что этотъ эпизодъ, переданный мною, какъ отраженіе мимо текущей жизни — въ какой-то своей глубинной сущности, связанъ съ тѣмъ, что я тебѣ написалъ раньше. Я по-

пытаюсь сегодня вечеромъ додумать это до конца, а сейчасъ ставлю послѣднюю точку.

Неизмѣнно твой

В а л е н т и н ъ.

Конецъ.

Серія II

“ВЕСЕЛАЯ БИБЛИОТЕКА”

- М. Зощенко. Бракъ по разсчету. 3. —
В. Дорошевичъ. Ивановъ Павелъ. 3. —

Серія III

“БИБЛИОТЕКА ПОЭТОВЪ”

- С. Есенинъ. Мой путь. Стихи. 3. 50

“МОСКВА И МОСКВИЧИ”

- Вл. Гиляровскій. Трущобы Хитрова рынка. 3. —

Печатаются:

Сухаревка. Московскіе трактиры.

IMPRIMERIE SCIENTIFIQUE
ET COMMERCIALES

4, Rue Félix-Faure, Paris (XVe)

Téléphone Vaugirard 21-34
